

A movie poster featuring a young woman with long dark hair and blue eyes in the foreground, looking intensely at the viewer. Behind her is a large, multi-story, weathered house with a balcony, situated on a hill overlooking a body of water. The sky is dark and stormy, with a lightning bolt visible in the upper left. The overall mood is mysterious and ominous.

Полина Луговцова

ГРЯЗЕЛЕЧЕБНИЦА
"ЧАША АЖДАИ"

Полина ЛуГОВЦОВА

Грязелечебница «Чаша Аждаи»

«Автор»

2024

Луговцова П.

Грязелечебница «Чаша Аждаи» / П. Луговцова — «Автор», 2024

Тияна слишком часто видела смерть: все ее родные и близкие умирали один за другим, и теперь у нее осталась лишь бабушка Йована, но и та находится при смерти. Получив печальное известие об этом, Тияна отправляется в Сербию, в грязелечебницу "Чаша Аждаи", которой владеет ее бабушка. Пациенты грязелечебницы и жители поселка, расположенного неподалеку, считают хозяйку Йовану благодетельницей, некоторые называют ее святой. Только вот кто же тогда в день похорон Йованы осквернил ее посмертные "читульи", написав на них "поганая ведьма"? И почему в момент погребения прозвучал призыв пронзить покойницу боярышниковым колом? Путь к ответам уводит Тияну в далекое прошлое, к древним легендам, а вскоре выясняется, что герои этих легенд живы и по сей день.

© Луговцова П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Луговцова

Грязелечебница «Чаша Аждаи»

*«Будь смиренным, ибо ты сделан из грязи.
Будь великодушным, ибо ты сделан из звезд»*

Сербская пословица

Пролог

Женщина медленно шла вдоль озера, мягко ступая по дощатому настилу, протянувшемуся по топкому илистому берегу. Оба конца настила упирались в горные склоны, окаймлявшие озеро с противоположной стороны. Справа от озера расплывчатым пятном белел в ночи главный корпус грязелечебницы, отделенный от берега мощеной набережной, небольшим парком с ровными рядами стриженных кустов и лаунж-зоной, густо заставленной пляжными зонтиками и шезлонгами.

Женщина прислушивалась к поскрипыванию дощатого настила под ее ногами. Близость воды усиливала этот звук, солирующий в ночной тишине, и женщине казалось, что доски скрипят сильнее обычного. Как будто кто-то, скрытый во мраке, следовал за ней по пятам.

Она часто оглядывалась, всматривалась во тьму, слегка разбавленную светом фонарей, выстроившихся вдоль настила, но никого не видела и продолжала свой путь.

Лишь за секунду до того, как страшный удар обрушился сзади на ее голову, она почувствовала знакомый запах мужского парфюма с терпкими хвойными нотками и догадалась о том, кто преследовал ее на этой ночной прогулке. Второй удар в спину сбил ее с ног. Под звук рвущейся на ней одежды женщина пролетела лицом вниз по дощатому настилу, сдирая кожу на ладонях и коленях. Понимая, что вскоре последует третий удар, она перевернулась на спину, желая взглянуть в лицо своему убийце (в том, что ее именно убивали, у нее не было никаких сомнений). При этом она скатилась с настила в грязь, покрывавшую весь берег озера. Если бы не эта грязь, ей, возможно, удалось бы убежать или отбиться, но она увязла так, что могла лишь извиваться подобно дождевому червю. Какая ирония судьбы! Грязь, однажды сделавшая ее сказочно богатой, стала для нее ловушкой.

Ради лечебных свойств этой грязи сюда съезжались люди со всего света. Желающих было гораздо больше, чем могла вместить грязелечебница, многим приходилось годами ждать своей очереди в надежде выздороветь, и некоторые не доживали до этого счастливого момента, другие же готовы были отдать за курс лечения все свое состояние.

Барахтаясь в драгоценной грязи и готовясь к смерти, женщина вспоминала о том, как много лет назад решила основать этот фешенебельный спа-курорт, какой дерзкой и даже абсурдной казалась ей поначалу эта идея, как трудно было найти единомышленников и воплотить задуманное, а момент, когда она разрежала ленточку на открытии грязелечебницы, стал самым счастливым в ее жизни. Не раз ей приходилось сталкиваться с происками конкурентов, пытавшихся прибрать к рукам ее бизнес, и она всерьез опасалась, что однажды ее могут попытаться убить. Однако, глядя в лицо своему убийце, она точно знала, что он не относится к ее конкурентам, и тем не менее допускала мысль о том, что они вполне могли его подкупить.

– Т-ты-ы?! Но почему?! За что?! – потрясённо воскликнула женщина. Слова вырвались из ее горла вместе с натужными хрипами, ребра справа прошило пронзительной болью.

– Мне сообщили, что ты собиралась избавиться от меня в скором времени, вот я и решил тебя опередить. – Черный мужской силуэт маячил над ней на фоне ночного неба, озаряемого яркой луной. Лица было не разглядеть, но судя по голосу, человек улыбался.

– Кто сказал?! Я же никому... Разве что... ах! Вот же рыжая гадина! И когда вы успели снюхаться?!

– Это не имеет значения. – Мужчина поднял над своей головой тяжелый камень, который, вероятно, подобрал в одном из разбитых повсюду рокариев, так же как и два предыдущих. Судя по всему, он собирался обрушить камень на жертву, скорчившуюся у него под ногами.

– Не убивай! Мне нельзя умирать! – Она вскинула руки в отчаянной мольбе.

– А придется! – Мужчина сопроводил свой ответ циничным смешком.

– Ты не понимаешь... У меня осталось одно дело, и если его не завершить, всё рухнет! Всё вокруг сровняется с землёй или осядет на ней пеплом! Все умрут, и ты тоже!

– Чушь! Я, по-твоему, похож на идиота?!

– Но это правда! Ритуал должен повторяться в положенный срок!

– Что ж, справимся и без тебя! Я все видел, все знаю.

– Дурень, ты всех погубишь! Древнее заклятье утратит свою силу, и жертвами станут те, кто прежде был под защитой!

– У меня нет выбора, – угрюмо произнес мужчина, и голос его дрогнул, словно он поверил услышанному. – Если я оставлю тебя в живых, ты спустишь на меня всех своих псов, и они не дадут мне уйти!

– Поверь... – Слова женщины потонули в хриплом кашле, но вскоре ее голос, слабый, но властный, зазвучал вновь: – Никто тебя не тронет, я клянусь!

– Врешь! Ты столько народу сгубила, меня и подавно не пощадишь! Человеческая жизнь для тебя не ценнее грязи, в которой ты сейчас валяешься!

– Я никогда не нарушала клятв, и тебе лучше поверить мне, иначе быть большой беде! Синее пламя плавит горы, не то что людей. Ты же сам видел...

– Не видел я никакого пламени! Только молнии!

– Ну, значит, вскоре увидишь! Это будет очень яркое зрелище, и оно ознаменует конец твоей жизни!

Мужчина покачнулся. Его поднятые над головой руки дрогнули. Камень полетел в сторону и с громким шлепком упал в зыбкую жижу, подняв фонтан черных блестящих брызг. Грязный веер взметнулся над телом женщины и осел на нем жирными кляксами. Она отерла лицо и, с трудом разлепив склеившиеся от грязи ресницы, посмотрела вслед уходящему человеку.

– Спасибо... – прошептала она, не надеясь, что это слово достигнет его ушей, но он остановился и обернулся. И хотя он отошел уже далеко, его силуэт был отчетливо виден в свете фонаря.

– Что ты сказала? – настороженно спросил он.

– Спасибо за то, что поверил. И за то, что приблизил мой конец! Теперь я долго не протяну, и буду рада, если вскоре умру. Успеть бы только завершить дело. Как же я устала...

– Хм... Не стоит благодарности! – Передернув плечами, мужчина продолжил свой путь.

Женщина вздохнула и устремила взгляд в небо, усыпанное звездами. Тупая боль пульсировала в затылке, в том месте, куда пришелся первый удар камнем. Второй камень сбил ее с ног, и, падая, она себе явно что-то повредила. Жжение и ломота охватили все ее тело, сгущаясь под ребрами с правой стороны и отзываясь в правом бедре. Что ж, придется потерпеть до утра. Женщина знала, что помощь не придет до рассвета, ведь она сама устроила так, чтобы ни одна живая душа не могла увидеть того, что происходило здесь по ночам.

Бывало, что ясными звездными ночами над озером сверкали не только звезды.

Глава 1

- Мне кажется, что меня преследуют.
- И как давно вам это кажется?
- Эм-м-м... наверное, уже лет восемь.
- Почему вы так решили?
- Я... э-э... я просто чувствую. Понимаю, как это звучит, но я чувствую опасность, и в последние дни – особенно остро.
- Думаете, кто-то хочет вас убить?
- Не знаю... Может быть, не в прямом смысле убить, а морально уничтожить. Превратить мою жизнь в ад, чтобы в ней не было ничего, кроме горя. Ведь есть вещи страшнее смерти, согласитесь. Например, смерть близких людей.
- У вас есть недоброжелатели? Могли вы кому-то чем-то насолить, как думаете? Хотя... простите, а сколько вам лет?
- Двадцать один.
- Хм... То есть, когда у вас, по вашему мнению, появился преследователь, вам было всего тринадцать. Н-да, маловероятно, что это именно ваш враг. Возможно, ваших родителей?
- Вот как раз поэтому я к вам и пришла! Моя мама умерла восемь лет назад. Тогда я была слишком мала и убита горем, чтобы заподозрить злой умысел. Ведь мама умерла в больнице. Она сломала ногу, и ее увезли в травматологию, а на другой день мы с отцом поехали навестить ее, и там нам сообщили, что у нее остановилось сердце, якобы из-за оторвавшегося тромба. Но ей было всего сорок! И она ничем никогда не болела. Странно, не правда ли?
- Ну-у... всякое бывает. Не зная деталей, трудно судить.
- Понимаю, что расследовать мамину смерть сейчас слишком поздно, время стерло все улики, но я подозреваю, что и остальные смерти произошли по вине одного и того же человека.
- Остальные смерти?
- Ох, да, я потеряла всех близких мне людей! Вслед за мамой, спустя три года, погибла моя мачеха. После того, как отец женился на ней, прошло всего пять месяцев, но я успела к ней привязаться и очень горевала. Ее сбила машина, водитель скрылся. С нею была еще ее дочь, моя сводная сестра, она осталась жива, но через год утонула в аквапарке. Неизвестно, как это произошло, может, она ударилась головой и съехала с горки в воду, находясь без сознания. Ее нашли мертвой, а все видеорекамеры в зале оказались отключены. Ее смерть стала страшным ударом и для отца, и для меня, мы полюбили ее, как родную. Но прошел год, и отец женился в третий раз. Мне уже исполнилось восемнадцать, и в чьей-либо заботе я не нуждалась, но эта женщина стала мне хорошей подругой, мы с ней были даже чем-то похожи, вместе ходили по магазинам, устраивали посиделки в кафе и все такое... Она была всего на шесть лет старше меня. Я делилась с ней своими секретами, понимаете?... Она прожила с нами два года, а однажды не вернулась домой ночевать. Ее нашли через три дня, задыхавшуюся, в такси на парковке торгового центра. Убийцу так и не поймали.
- Простите, а ваш отец? Он... жив?
- Да, но... по-моему, ему недолго осталось. Он сейчас в реабилитационном центре для больных диабетом, в очень плохом состоянии. Мне пришлось поместить его туда, потому что он не соблюдал рекомендации врачей и, мало того, еще целенаправленно убивал себя алкоголем и никотином. И он успел основательно подорвать свое здоровье, прежде чем мне удалось настоять на стационарном лечении.
- Понятно. Однако судя по вашим словам, у меня сложилось впечатление, что злой рок преследует не столько вас, сколько вашего отца: ведь погибали-то его жены, исключение здесь лишь смерть падчерицы.

– И я так думала, но месяц назад погиб мой парень. По официальной версии, он покончил с собой, но я уверена, что его убили. Причина суицида неизвестна, предсмертной записки не нашли, но злые языки, конечно же, обвинили меня в его смерти, болтали, будто я его бросила. Наглая ложь! Мы с Костей собирались пожениться! А теперь... теперь мне не хочется задерживаться на этом свете. Признаюсь, были даже мысли о суициде, но потом будто подсказал кто-то, меня вдруг осенило, что все эти смерти могут быть связаны между собой, и я должна жить дальше, хотя бы ради того, чтобы найти и остановить этого злодея!

– Возможно, смерть вашего парня не имеет отношения к...

– Вот я и хочу, чтобы вы это выяснили! – Прозвучало слишком резко, и она осеклась.

Повисла неловкая пауза. Детектив извлек из нагрудного кармана белый накрахмаленный платок и аккуратно приложил его ко лбу. Кашлянув, продолжил чуть более прохладным тоном, чем говорил до этого:

– Тияна Бориславовна...

– Можно просто Тияна. – Она смотрела на него и думала: «Господи, ну какой из него детектив?! С такой внешностью разве можно быть незаметным? Он же целиком состоит из одних особых примет! Да и наверняка неуклюжий. Толстопузый коротышка, лопоухий и совершенно лысый – череп гладкий, как футбольный мяч, черные усы с подкрученными кончиками «а-ля Эркюль Пуаро», на щеке огромная родинка. Настоящий сыщик должен сливаться с толпой, а этого, раз увидев, больше не забудешь... Надо было еще кого-нибудь поискать, а не хвататься за первого, попавшегося в гугл поиске! Купилась на звучное имя – Дульский Карл Аронович, такие имена часто бывают у разных уважаемых людей вроде ученых и политиков. Да и на фото детектив выглядел куда более представительным. Что ж, впрочем, чему я удивляюсь, ведь зачастую снимки в интернете имеют довольно отдаленное сходство с оригиналом».

– Тияна – красивое имя и очень редкое. Никогда не слышал такого, – заметил детектив, пряча платок в карман.

– Это бабушка со стороны отца настояла. Она сербка. Родители хотели по-другому меня назвать, но бабушка очень просила, утверждая, что в этом имени кроется какой-то особый смысл. Отец уступил и маму уговорил. Но маме это имя не нравилось, и бабушку, свою свекровь, она не любила. У них какая-то размолвка вышла, когда меня еще на свете не было. Я так поняла, что бабушка была против свадьбы моих родителей, хотела, чтобы мой отец – ее сын – женился на девушке из Сербии, а моя мама ей не понравилась, потому что она россиянка. Наверное, бабушка просто не хотела, чтобы отец уехал жить в Россию, ведь у нее больше нет других детей. Ой, простите, что-то я разболталась! Это ведь к делу не относится.

– Может быть, и относится, – возразил детектив. – Когда речь идет о делах с такой длинной историей, как у вас, важна любая деталь. А уж потом с помощью этих деталей я буду разгадывать головоломку.

– Ну нет, бабушка никак не может быть причастна к этому! – Для убедительности Тияна потряхнула головой, и крупные темные кудри защекотали ее щеки. – Во-первых, она ни разу не приезжала в Россию. А во-вторых, в Сербии ее называют святой, считают благодетельницей. Она владеет дорогим спа-курортом и на доход от этого бизнеса занимается благотворительностью: спонсирует благоустройство поселка, расположенного поблизости, содержит мужской монастырь и церковь, в которой молилась еще ее прабабка... в общем, она для многих добро делает, и для нас тоже. Благодаря ей наша семья никогда ни в чем не нуждалась. Невозможно представить, чтобы Йована кому-то желала зла!

– Йована? А по отчеству? – Детектив наморщил лоб, записывая что-то в пухлый блокнот.

– Ой, к своему стыду, я его и не помню! Отчествами в Сербии не пользуются, указывают только в документах, и оно очень труднопроизносимое. В общем, это точно не бабушка. Не может ведь один и тот же человек и помогать, и вредить одновременно!

– Согласен, это трудно представить. – Детектив кивнул, и крупная капля пота, блестящая на виске, резво стекла по его щеке кривым ручейком.

Тияна окинула взглядом тесный душный кабинет и нигде не заметила ничего похожего на кондиционер. Похоже, дела в этом сыском агентстве шли не слишком успешно. Конечно, Москва не южный город, и без кондиционера вполне можно прожить, но для офиса, где принимают клиентов, это существенное упущение, особенно, когда окна выходят на солнечную сторону, как здесь. Еще и май в самом разгаре! Тияна чувствовала неприятное жжение на правой щеке, нагретой под солнечными лучами, бьющими в огромное голое окно. Тонкая шифоновая блузка прилипла к спине. А на детективе плотный жакет! Наверное, Карл Аронович очень терпелив, раз до сих пор его не снял. Возможно, он считает, что в нем у него более солидный вид. Но зато он снова потянулся за платком.

Тияна с трудом сдержала усмешку. Ей не хотелось обижать этого забавного человека, строившего из себя опытного детектива. Она интуитивно чувствовала, что он искренне намерен ей помочь.

– Хорошо, давайте перейдем к деталям. Мне нужна вся известная вам информация о погибших: имена, возраст, круг общения. Вы не против, если я включу диктофон?

Беседа вышла долгой и утомительной, под конец Тияна едва ворочала языком. Но перед тем как распрощаться и уйти, она вдруг вспомнила кое о чем, что могло бы пригодиться детективу в процессе расследования:

– Совсем забыла: были еще две смерти.

– Господи! – выдохнул детектив, вытирая пот со лба скомканным мокрым платком. – Это ужасно!

– Нет, на этот раз вовсе не ужасно, потому что погибшие люди пытались мне навредить. – Остановившаяся на полпути к выходу Тияна вернулась и села на прежнее место. – Они были омерзительными типами. Один напал на меня в парке, когда я возвращалась из школы домой. Это случилось семь лет назад. Помню, что уже стемнело, и парк выглядел безлюдным, но хорошо освещался. Путь к дому через него был самым коротким, и я, зная, что ходить там небезопасно, иногда рисковала, сокращая расстояние. Какой-то мужчина выпрыгнул на аллею прямо из еловых зарослей, где, возможно, сидел в засаде, поджидая жертву. Я даже пикнуть не успела, как он зажал мне рот и поволок обратно в заросли. Вдруг послышался топот ног, который быстро приближался. Преступник отпустил меня, видимо, сообразив, что привлек чье-то внимание, и кто-то спешит мне на выручку. Я не видела своего спасителя, потому что сразу бросилась бежать. Позади раздался глухой выстрел, будто стреляли из пистолета с глушителем. Я бежала не оборачиваясь и вскоре благополучно добралась до дома, а о смерти напавшего на меня преступника узнала позже из новостей. Второй тип, какой-то полоумный отморозок, пытался меня ограбить. Вырывая у меня сумку, он чуть не вывихнул мне руку. Это произошло совсем недавно, прямо во дворе моего дома, но тоже уже затемно. И точно так же, как тогда в парке, неизвестный спаситель свалил отморозка насмерть всего одним выстрелом, а после снова ушел незамеченным, его никто не видел – ни я, ни жильцы ближайших домов, и полиция получила еще один «висяк»... или как там они называют нераскрытые убийства.

– Выходит, вас не только преследуют, но и оберегают? – Детектив оживился, заерзал в кресле и, выбросив в урну смятый платок, все-таки снял свой душный жакет.

– Возможно. Но я не думаю, что это разные люди.

– То есть? А что вы думаете? – Карл Аронович удивленно вскинул брови.

– Думаю, что один и тот же человек убивает близких мне людей, чтобы я страдала, и в то же время спасает меня от смерти, чтобы я страдала как можно дольше.

– Звучит просто фантастически! – Детектив посмотрел на Тияну так, словно заподозрил, что у нее серьезные проблемы с психическим здоровьем.

– Согласна. Но я старалась быть откровенной. Ведь вы сами сказали, что важна любая деталь. Я буду даже рада, если окажется, что связь между всеми преступлениями мне лишь померещилась. Пусть лучше это будут мои домыслы, пусть выяснится, что у меня паранойя. Это ничего, я подлечу нервы и однажды перестану оглядываться на каждом шагу, думая, что за мной следят. Но боюсь, что мой преследователь все-таки существует.

– Думаю, я выясню это довольно скоро, как только установлю за вами постоянное наблюдение. Тип, который всюду следует за вами, не сможет ускользнуть от моего внимания.

– Но за многие годы преследователь ни разу не попался мне на глаза, из чего я могу сделать вывод, что он великий конспиратор.

– Что ж, на каждого великого конспиратора рано или поздно найдется не менее великий сыщик. – Ловким движением пальцев обеих рук детектив подкрутил кончики своих вычурных усов, словно подзадоривая себя таким образом.

Когда Тияна наконец покинула тесный офис и вышла из здания бизнес-центра, городдохнул на нее вечерней прохладой. В панорамных окнах высоток горели отблески заката. Вот ведь, уже вечер! Целый день прошел за копанием в прошлом. Перед встречей с детективом она боялась, что этот процесс будет болезненным и тягостным, а всплывшие со дна памяти воспоминания снова лягут камнем на сердце, но вышло наоборот: выговорившись, она почувствовала небывалое облегчение. И даже немного притупилось обострившееся в последнее время колкое ощущение чужого пристального взгляда на своей спине.

Впереди шумел проспект, убегая вдаль металлической рекой; вдоль него по узкому тротуару цепочкой шли люди. Никто не обращал на Тияну внимания, не замедлял шага, не смотрел в ее сторону. Может быть, и не было никакого преследователя? Или был, но бесплотный, так называемый злой рок, остановить который подвластно только высшим силам? Так или иначе, но Тияне стало спокойнее, а значит, детектива она наняла не зря. Впервые за много лет ей захотелось зайти в кафе и выпить кофе с изысканным десертом. Обычно она спешила поскорее нырнуть в какое-нибудь убежище, где точно не могло быть никаких преследователей.

Тияна огляделась, изучая вывески. Кофейен и кондитерских на этой улице оказалось бесчисленное множество. Выбрав заведение, притянувшее взгляд, она устремила туда, встроившись в людской ручеек, отделенный от металлической реки проспекта лишь узкой полоской асфальта, утыканной чугунными столбиками, сдерживавшими реку в ее русле.

Перед входом в кафе все же возникло желание обернуться. Тияна подчинилась ему, и ее бросило в жар при виде человека, разделившего людской ручеек надвое: он глыбой торчал посередине, стоя на углу дома, в котором располагалось кафе. Лицо незнакомца наполовину скрывали черные очки, в огромных стеклах огнем горели отблески солнца, а под стеклами, казалось, плескалась вязкая тьма. Почему он стоит и не двигается? Куда он смотрит?

Тияне вмиг расхотелось кофе, но она уже взялась за дверную ручку, и дверь вдруг открылась. Посетитель, собиравшийся выйти из кафе, посторонился, пропуская ее, и ей пришлось войти, чтобы не притягивать к себе недоуменные взгляды. Она сделала заказ, не присматриваясь к десертам, выставленным на витрине рядом с барной стойкой, просто ткнула пальцем в сторону какого-то симпатичного кусочка, и бармен кивнул. Выбрав столик подальше от окна, она тем не менее то и дело посматривала сквозь стекло на тротуар, ища взглядом незнакомца-«глыбу» и в то же время страшась его увидеть. На прежнем месте его уже не было, в плывущей мимо окна толпе пока тоже не мелькнуло никого похожего.

Немного успокоившись, Тияна принялась ковырять принесенный официанткой десерт. Тот, кстати, оказался превосходным чизкейком со свежими ягодами и сливочным соусом, но насладиться его нежным вкусом она не успела: кусок застрял в горле, а внутри все съежилось от ужаса, когда в кафе вошел незнакомец-«глыба» и направился не к барной стойке, а прямо к ее столику! Тияна с трудом подавила желание вскочить и броситься наутек, лишь крепче стиснула в руке изящную десертную ложку, потому что та начала дробно постукивать о фар-

форовое блюдо. «Этот тип не осмелится напасть на меня при всех», – успокоила она себя, окидывая взглядом довольно многолюдный зал кафе. Зачем ему так рисковать, ведь он тысячу раз мог настичь ее в более уединенных местах? Нет, он пришел не для того, чтобы убить ее.

Страх улегся, и любопытство взяло верх. Тияна решила, что не станет отшивать «глыбу», если он попытается с ней заговорить: судя по тому, что «глыба» бесцеремонно уселся на стул напротив нее, он явно собирался что-то сказать. И даже снял очки. Пару секунд он изучал ее серыми и тусклыми, как базальт, глазами, ни разу не моргнув. Может быть, ждал, что она первой нарушит молчание – возмутится или что-то спросит, но, не дождавшись, коротко кашлянул и заговорил:

– Извините за бестактность, но иначе я не смог к вам подобраться. На звонок в домофон вы не реагируете, как и на звонок в дверь, по телефону на незнакомые номера не отвечаете, в соцсетях сообщения от посторонних не принимаете, электронную почту из неизвестных источников не читаете. На улице я подойти к вам не рискнул: подозревал, что вы поднимете крик и сбежите. Извините еще раз, вижу, что напугал. У меня для вас новости, которые я должен сообщить вам лично. И это срочно.

От удивления Тияна выронила ложку.

– Что за новости?

– От вашей бабушки Йованы Лютич.

– Я вижу вас впервые в жизни. Думаю, что и вы меня тоже – по крайней мере, на таком близком расстоянии. Откуда вы знаете, что не ошиблись? Вдруг я не тот человек, которого вы ищете?

– Я видел ваши фото в соцсетях, ну и... слежу за вами не первый день.

Тияна почувствовала, как напряжение отпускает ее: так вот почему ей в последнее время казалось, будто кто-то смотрит ей в спину! Значит, все из-за этого типа, который всюду ходил за ней по пятам, а она решила, что ее преследует злоумышленник. На душе сразу стало легче, и незнакомец показался ей чуть более симпатичным. А еще в его произношении она подметила акцент, очень похожий на сербский: так говорил ее отец, для которого русский язык не был родным. При этом у отца получалось говорить и без акцента, но это стоило ему немалых усилий, терпения надолго не хватало, и вскоре в его речи вновь начинали проскакивать сербские словечки. Зато Тияна свободно болтала и по-русски, и по-сербски, без всякого акцента. С того момента, как она себя помнила, и до тех пор, пока была жива мама, отец почти каждый вечер читал им обоим сербские книжки – наверное, испытывал потребность говорить на родном языке. Потом он пересказывал прочитанное по-русски, и как-то незаметно для себя Тияна выучила сербский язык. Ей вдруг захотелось проверить свою догадку насчет сербского акцента у незнакомца, и она без всякого предупреждения произнесла по-сербски:

– Како се зовете? (*серб. «Как вас зовут?»*)

Напряженный, с некоторым оттенком усталости, взгляд собеседника слегка потеплел.

– Горан Дучич. Драго ми је да се упознамо! (*серб. «Рад познакомиться»*)

Тияна расплылась в улыбке, довольная тем, что разглядела в этом чужаке родственную душу. Но ее благостное состояние длилось недолго. Собеседник снова стал серьезным и, по-видимому решив не тянуть с новостями, рубанул с плеча:

– Ваша бабушка умирает и хочет вас видеть.

– О, Боже... Что с ней?

– Поскользнулась и неудачно упала, отбила себе внутренности, раскроила череп. Врачи сделали все, что могли, однако прогнозы неутешительные. Но Йована клятвенно обещала продержаться до вашего приезда.

Тияна зажмурилась, прижав ладони к вискам, и тягостно выдохнула:

– Бедная бабушка! Могла бы еще жить да жить на своем курорте! Там ведь целебные грязи, все хвори излечивают! Как же это несправедливо!

Новость шокировала ее, но все же она не чувствовала себя убитой горем, ведь свою бабушку она ни разу в жизни не видела, причем даже на фото: по словам отца, бабушка не любила фотографироваться. Трудно искренне горевать по человеку, которого знаешь лишь по редким письмам, в основном, поздравительным, да и то адресованным не тебе. Письма регулярно приходили в день рождения отца и на Новый год, это были самые обычные почтовые письма: почему-то бабушка не признавала интернета и сотовой связи, писала по старинке – шариковой ручкой на писчей бумаге. Тяну удивляло, каким образом Йована умудрялась подгадать так, чтобы каждый раз письмо было доставлено к нужной дате. Лишь несколько писем пришли без повода, в них она рассказывала о своих делах – как правило, ничего интересного, и очень скупое – к примеру, что наплыв клиентов в этом сезоне больше, чем в прошлом, или что ее снова донимают предложениями купить у нее грязелечебницу. Потом она спрашивала отца, как он поживает и все ли в порядке у Тяны, и в самом конце настоятельно приглашала их в гости – всегда только их двоих. Разве можно из таких писем что-то узнать о человеке и тем более привязаться к нему? Тяне очень хотелось повидаться с бабушкой, она писала ей письма, которые отправлял отец, но Йована никогда не отвечала на вопросы, заданные Тяной в тех письмах. Возможно, бабушке не нравилось ее любопытство. Тяна не обижалась на нее и мечтала отправиться к ней в гости вместе с отцом, тем более, что он ей это обещал, однако поездка по разным причинам никак не складывалась, все время что-то мешало.

Но ведь и теперь Тяна не может поехать! Как она оставит отца одного?! О том, чтобы отправиться к бабушке с ним вместе, не могло быть и речи: он с трудом передвигается и нуждается в круглосуточном медицинском наблюдении. Но как отказать бабушке в предсмертной просьбе?!

– Так на какое число взять билеты? – В голосе Горана, низком и гулком, прозвучали осуждающие нотки: похоже, внутренняя борьба Тяны не осталась незамеченной собеседником.

– Мой отец тоже болен, и он в очень плохом состоянии. Я не могу его оставить, – проворчала Тяна, опуская взгляд.

– Я в курсе насчет вашего отца. Да, у него серьезные проблемы со здоровьем, но за несколько дней вашего отсутствия с ним ничего не случится. Всего несколько дней. Ведь вы никогда не видели Йовану. И, если не отправитесь в путь в ближайшее время, рискуете так и не увидеть.

– Что ж... Наверное, вы правы, но все же я должна навестить отца и предупредить его о своем отъезде.

– Лучше вам не говорить ему об этой поездке. Придумайте какие-нибудь дела, из-за которых не сможете посещать его некоторое время.

– Почему же?

– Ну посудите сами: Йована его мать, и новость о ее скорой кончине наверняка станет для вашего отца сильным стрессом, который усугубит его состояние.

– Да, но... Но я никогда его не обманывала! Боюсь, он не простит меня, если узнает, что я солгала ему и утаила правду о бабушке.

– Правити од комарца магарца! (Прим.авт. – «Делаете из комара осла», сербская пословица, означает то же, что «из мухи слона»).

– Вы просто не знаете его. Он не переносит лжи!

– Не всегда горькая правда бывает лучше, чем сладкая ложь.

– Вижу, вы не только в сербских, но и в русских пословицах неплохо разбираетесь. И вообще так хорошо владеете русским, будто давно живете в России. Я права?

– Никогда тут не жил. – Голос Горана прозвучал на тон холоднее, а во взгляде появилась некоторая отстраненность, но в следующую секунду его вид вновь стал непринужденным. – Я выучил русский в Сербии. Знание русского и английского требовалось для работы в «Чаше Аждаи», а меня очень влекло в то место. Ведь это же истинный рай земной!

– Бабушкина грязелечебница? Ох, как бы мне хотелось там побывать хоть разок!

– Вы так говорите, будто не собираетесь ехать туда.

– Даже не знаю...

– Решайтесь! И мой вам совет: раз уж вам так трудно солгать отцу, передайте ему известие о своем отъезде через медперсонал, а как вернетесь, все и объясните. Только не упоминайте о Йоване, пока его состояние не стабилизируется.

– Уж позвольте мне самой решать, как и что говорить своему отцу!

– Ух! Узнаю внучку Йованы! Вы так похожи на нее!

– Правда?

– Просто копия, только моложе. Но и она очень даже неплохо выглядит для своих лет. – Горан осекся и поправился. – Выглядела... Но после падения в одночасье увяла. Теперь Йовану не узнать, жизнь утекает из нее с каждой минутой. Ведь вы не лишите ее возможности увидеть перед смертью хотя бы одно родное лицо? Кроме вас и вашего отца у нее больше нет родных, а ваш отец, по вашим же словам, не перенесет дальнего путешествия. Соглашайтесь, и перейдем к обсуждению деталей поездки.

Тияна поставила локти на стол и сцепила руки в замок с такой силой, что хрустнули костяшки пальцев. Ей всегда было тяжело говорить «нет» в ответ на чью-то просьбу, даже по мелочам, а уж в этом случае отказ и вовсе казался ей кощунством, но она все же озвучила его:

– Извините, но я не поеду. Я очень люблю бабушку, и все же... Отец в тяжелом состоянии, и я не прощу себе, если он... ну... вдруг он... – Ее голос предательски задрожал, и она замолчала.

Горан опустил взгляд в ее тарелку с нетронутым пирожным, долго разглядывал его, словно увидел там нечто диковинное, потом сдержанно кивнул и холодно процедил:

– Я все понимаю и, поверьте, не осуждаю вас. В таком случае – до свидания.

Когда Горан поднялся из-за стола, у Тияны вырвался вздох облегчения от того, что он собирается уходить, и она поймала на себе его быстрый взгляд, скорее удивленный, чем осуждающий. Он придвинул стул к столу и направился к выходу, но, не сделав и пары шагов, вернулся.

– Запишите мой номер на тот случай, если передумаете. Весь завтрашний день я буду ждать вашего звонка, а потом вернусь в Сербию ближайшим авиарейсом.

Будучи уверена, что не передумает, Тияна все же занесла в список контактов своего телефона продиктованный Гораном номер. При этом она старалась не смотреть на нового знакомого, а когда наконец оторвала взгляд от экрана, человека-«глыбы» в кафе уже не было.

Глава 2

Под крылом самолета стремительно вырастало длинное приземистое здание с огромными, во весь фасад, синеватыми окнами. Над ними белели выпуклые буквы: «АЕРОДРОМ БЕОГРАД». Ниже значилось имя великого ученого-физика: «НИКОЛА ТЕСЛА». Правее надписи повторялись на английском. «Все-таки сербский язык удивительно похож на русский», – подумала Тияна, разглядывая буквы, подсвеченные неоном.

Хмурое небо Белграда сыпало мелким колючим дождиком. Горан заботливо раскрыл над Тияной гигантский черный зонт, когда они, высадившись из самолета, прошли через здание аэропорта и направились к стоянке такси. Она была благодарна ему за то, что за всю дорогу он не проронил ни слова: горло у нее до сих пор саднило от рыданий после похорон отца, и говорить удавалось с трудом.

Отец умер наутро после ее встречи с Гораном в кафе. Ей сообщили об этом по телефону как раз тогда, когда она ехала к нему в больницу. Вне себя от горя, Тияна помчалась к кабинету главного врача, чтобы выяснить подробности, и столкнулась в дверях с Гораном, выходящим оттуда. Не отдавая себе отчета, она уткнулась в его плечо и разрыдалась, в тот момент даже не удивившись такой неожиданной встрече. Позже Горан объяснил, что ему тоже позвонили из больницы, так как еще раньше он оставлял там номер своего телефона с просьбой держать его в курсе любых изменений в состоянии отца Тияны. У него была какая-то бумага вроде доверенности, выданная бабушкой, которая позволяла Горану действовать от ее имени.

Хлопоты по организации похорон он взял на себя, полностью избавив Тияну от всех этих тягостных забот, и у нее была возможность как следует выплакать свое горе – все до последней слезинки. Когда гроб опускали в могилу, слез уже не было, и она лишь для вида прикладывала уголок платка к полуприкрытым векам, под которыми, как ей казалось, зияли бездонные пропасти с пересохшим растрескавшимся дном, а голову распирало от тяжелой звенящей пустоты. С тех пор прошли всего сутки, и отголоски этого горестного звона еще давали о себе знать, но Горан торопился с вылетом в Сербию, а у Тияны больше не было причин для того, чтобы отказаться лететь вместе с ним.

После того как гроб с телом отца засыпали землей и обряд погребения завершился, Тияна обошла могилы своих родных, в который раз ужасаясь тому, что их слишком много, а теперь прибавилась еще одна. Дольше всего она задержалась на могиле матери, вспоминая длинные уютные вечера из детства, когда отец читал им сербские книжки. Иногда мама перебивала его просьбой перевести какое-нибудь слово, звучание которого казалось ей странным или смешным. Узнав, что «Деда Мраз» – это по-русски Дед Мороз, а «понос» – это гордость, она залившись хохотала и веселилась, как ребенок. «Подумать только, до чего же правильный язык! – восторгалась мама. – Порой Деда Морозы в новогоднюю ночь так за воротник закладывают, что кроме как «мразами» их и не назвать, и про гордость тоже четко подмечено! Все гордецы имеют непосредственное отношение к поносу: точно такое же дерьмо!» Однажды отец предложил почитать им «Унесенные ветром». Едва он произнес название книги по-сербски, мама покатила со смеху, да так и не смогла успокоиться, пока отец не отложил книгу в сторону и не взял другую. Тогда Тияна не поняла, что же так сильно рассмешило маму, а та наотрез отказывалась ей объяснять. Теперь, вспоминая тот случай, Тияна невольно расплывалась в улыбке. «Прохујало са вихором» – вот как звучало это название на сербском, довольно забавно для русского слуха. «Наверное, и для сербов некоторые русские слова звучат смешно или двусмысленно», – догадывалась Тияна.

Она переходила от одной могилы к другой и краем глаза видела серую угловатую фигуру Горана, глыбой маячившую среди надгробий и памятников. Издали его можно было запросто спутать с одним из каменных изваяний, если бы он не двигался. Следуя за ней, Горан держался

на расстоянии и не смотрел в ее сторону, делая вид, что просто прогуливается по кладбищенским аллеям. Тияну очень тронула такая ненавязчивая забота, и она подумала, что Горану, скорее всего, будет неловко перед бабушкой, если он вернется к ней без внучки. Представив, каким несчастным станет его лицо, когда он будет сообщать умирающей Йоване о том, что не смог выполнить ее последнюю просьбу, Тияна решила все-таки лететь в Сербию вместе с ним, несмотря на свое тяжелое эмоциональное состояние.

И вот они уже едут в такси по улицам Белграда, пестрого и неопрятного от обилия граффити на стенах домов, местами обшарпанного, но отчего-то производящего впечатление родного и уютного. Тияна чувствовала себя провинциалкой, однажды дерзнувшей переехать в столицу, но не прижившейся там и теперь возвращавшейся домой с трепетом в душе.

Путь до грязелечебницы «Чаша Аждаи» был неблизким, и Горан предлагал Тияне сделать небольшую остановку в отеле, чтобы передохнуть после перелета, но при этом всем своим видом показывал, что надеется услышать от нее отказ. Она и отказалась, заверив его, что вполне способна выдержать еще несколько часов дороги. «Ведь не пешком же идти, в самом деле», – заметила она, понятия не имея, какой будет эта дорога. Когда городские кварталы остались позади, и автомобиль покати по горной местности, окутанной плотным туманом, Тияне действительно захотелось пойти пешком: она боялась, что они вот-вот куда-нибудь врежутся. Узкое шоссе петляло между горными склонами, и при такой видимости, точнее, при ее отсутствии, можно было запросто не вписаться в очередной крутой поворот.

Глядя сквозь этот туман на горные склоны, укрытые плотным ковром хвойных лесов, Тияна чувствовала растущее беспокойство. В голову полезли неприятные мысли о том, что она едет в чужеземную глухомань с человеком, о котором совсем ничего не знает. Вдруг он замысливает что-то недоброе? Что, если он заманил ее в ловушку, а болезнь бабушки – всего лишь предлог? Кто знает, действительно ли Горан работает на Йовану, или, может быть, он один из тех, кого бабушка называла в своих письмах «ушлыми проходимцами», пытавшимися завладеть ее грязелечебницей? Вдруг он везет туда Тияну в качестве заложницы, собираясь использовать ее как инструмент давления на бабушку и таким образом заставить Йовану подписать необходимые бумаги? Известно ведь, что вокруг прибыльного бизнеса всегда кружит стая хищных дельцов, желающих прибрать его к рукам. А грязелечебница, если верить тому, что бабушка писала в своих письмах, приносила баснословный доход, привлекая богатых клиентов не только из Сербии и других европейских стран, но и со всего мира.

Не поворачиваясь, Тияна покосилась на Горана, сидевшего рядом. Он дремал, откинув голову на подголовник. При виде его изможденного осунувшегося лица Тияна почувствовала угрызения совести: как бы она справилась с похоронами отца без него? Нет, злодеи так не поступают. «Ведь невозможно заботиться и вредить одновременно», – мелькнула в голове Тияны фраза, произнесенная ею в разговоре с частным детективом. Это было всего три дня назад, а как будто не в этой жизни. Перед вылетом Тияна пыталась позвонить детективу, но после пары гудков включился автоответчик, и она оставила голосовое сообщение о том, что отправляется в Сербию на несколько дней. Детектив ей так и не перезвонил.

Судя по тому, что у Тияны заложило уши, дорога круто забирала в гору. Стало заметно светлее, но тучи не пропускали ни единого лучика рассветного солнца. Туман теперь стелился далеко внизу, и сквозь него просвечивали огни какого-то небольшого городка, тусклые и редкие – возможно, многие из них уже погасли с наступлением утра.

– Что это за город? – спросила Тияна по-сербски, обратившись к водителю.

– Кралево, – буркнул он, бросив на нее короткий взгляд в зеркало заднего вида. Тияна ожидала, что он добавит что-то еще, расскажет какие-нибудь подробности об этом городе, но тот молчал, уставившись на дорогу.

Горан по-прежнему дремал, и тревожить его вопросами Тияна не рискнула. «Ну и ладно, можно загуглить», – подумала она, собираясь прочитать в Википедии статью о Кралево, но

выяснилось, что сотовая связь здесь напрочь отсутствует. Тоскливо зевнув, она решила тоже подремать, но внезапно ее внимание привлек длинный зубчатый край кирпичной стены на одной из скалистых горных вершин вдали.

Она покосилась на водителя, раздумывая, стоит ли отвлекать его расспросами после того, как он явно дал ей понять, что не собирается брать на себя роль экскурсовода.

– Это Маглич, средневековый город-крепость, тринадцатый век, – подал голос Горан.

Тияна обернулась к нему:

– Красиво звучит. И выглядит тоже.

«Сербское слово «магла» на русском означает «туман». Вероятно, город назвали так из-за того, что туманы здесь частое явление, и, может быть, даже никогда не рассеиваются полностью», – подумала Тияна.

– Далеко ли еще до грязелечебницы? – поинтересовалась она, мечтая о чашке кофе и горячем душе.

– Почти доехали. Еще минут десять, и прибудем на место.

Автомобиль проделал пару крутых виражей, и его движение замедлилось. Перед глазами Тияны проплыл щит-указатель. Надпись на сербском гласила, что до грязелечебницы «Чаша Аждаи» осталось пять километров, – совсем немного, но никаких признаков цивилизации нигде не наблюдалось. Слева серебрилась речка, справа вздымался горный склон, густо заросший лесом, а впереди дорога резко обрывалась, и Тияна испугалась, подумав, что они вот-вот рухнут в пропасть. Однако крушения не случилось: автомобиль нырнул вниз и покатился по крутому спуску, а Тияна восторженно распахнула глаза при виде роскошного вида, открывшегося на грязелечебницу: «Чаша Аждаи» предстала перед ней во всей красе.

Оправдывая свое название, курорт казался издали гигантской чашей, в центре которой круглым зеркальцем поблескивало небольшое озерцо, с одной стороны окруженное горными склонами, с другой – двухэтажными корпусами, выкрашенными в нежные оттенки фисташкового и кремового. Лишь одно здание, находившееся на некотором возвышении, разительно отличалось от прочих: мрачное и с виду не менее древнее, чем средневековый замок, оно торчало между ними дланью с грозно поднятым перстом, словно повелитель, требующий к себе внимания. От озерца подобно солнечным лучикам разбегались дорожки, выложенные светлой брусчаткой и стиснутые с обеих сторон рядами аккуратно подстриженных невысоких кустиков. За корпусами стеной вздымались многометровые сосны, отливавшие темной синевой в тени нависавших над ними белесых скал, обступавших территорию грязелечебницы сплошным кольцом.

Автомобиль подъехал к огромным воротам, и створки тотчас поплыли в стороны, управляемые электронным механизмом, но никого, кто мог бы привести его в действие, поблизости не было видно. Однако, поскольку ворота открылись без каких бы то ни было манипуляций со стороны водителя или Горана, это означало, что их прибытия здесь явно ждали. В этот момент до Тияны дошло, что машину вел не случайный таксист: слишком уж уверенно водитель лавировал между зданиями, словно бывал здесь уже не раз. Он притормозил у высокого крыльца перед входом в мрачное здание и, резво выскочив из салона, открыл дверцу машины со стороны Горана. А Горан, похоже, был здесь важной персоной: водитель смотрел на него с каким-то благоговейным подобострастием и даже, кажется, побаивался его.

Влажный горный воздух окутал Тияну, и она поежилась. Густой запах озерных испарений ударил в нос. Тияна невольно задержала дыхание, но в следующий миг поняла, что это бессмысленно, и ей придется привыкнуть к этой вони. «И как они здесь дышат?!» – поразила ее она, окидывая взглядом безупречную территорию грязелечебницы и отмечая, что вокруг нет ни души, кроме Горана и водителя. Окна корпусов, все до единого темные, вызвали сомнение в том, что за ними есть кто-то живой. Неужели все еще спят? Даже обслуживающий персонал? Как-то не верится. Но, может быть, в этом заведении не принято просыпаться спозаранку?

Присмотревшись, Тияна заметила, что окна прикрыты черными светонепроницаемыми рольставнями. Значит, никто здесь не спешит полюбоваться рассветом. Хотя, надо признать, сегоднешний рассвет не самое приятное зрелище: небо, подернутое сизой мглой, не оставило солнечным лучам ни единого шанса пробиться к земле. Будет печально, если рассветы тут всегда такие.

– Добро дошли у домовину! (серб. *«Добро пожаловать на родину»*) – Голос Горана, раздавшийся поблизости, отвлек Тияну от раздумий. Приветствие, произнесенное по-сербски, неприятно резануло слух: слово «домовина» переводилось на современный русский как «родина», но в древнерусском имелось похожее слово, которым называли деревянный домик для покойника, то есть, старинный гроб.

Тияна настороженно взглянула на Горана, пытаясь понять, послышалось ли ей, что в произнесенной им фразе был зловещий намек, или нет.

– Моя родина не здесь, – тихо возразила она, цепenea от растущей тревоги.

– На родине предков зародилась частичка тебя. – Он улыбнулся и подставил ей согнутую в локте руку, предлагая опереться. Поколебавшись, Тияна коснулась ее из вежливости. В следующий миг Горан локтем прижал ее ладонь к своему боку и так решительно потянул ее за собой, что она в который раз за время их совместного путешествия почувствовала себя пленницей. Беспомощно семеня вслед за Гораном, она озиралась по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь из персонала или пациентов и убедиться, что это действительно грязелечебница, а не тюрьма, но ее взгляд метался по пустынному пространству, не встречая никакого движения. Даже водитель исчез не прощаясь, лишь быстро удаляющийся шорох шин выдавал направление, в котором тот уехал. Но вскоре и он стих. Теперь тишину нарушал только дробный стук их с Гораном шагов, эхом разлетающийся между корпусами. Он казался неестественно громким и резким. Близость озера усиливала звуки.

Озеро осталось позади. Внезапно Тияне показалось, что кто-то смотрит ей в спину. Она оглянулась, скользнула взглядом по неподвижной водной глади и каменным берегам, окутанным легким туманом, – никого. И тут ее слух уловил далекое монотонное жужжание, доносившееся сразу со всех сторон. Источником шума оказались рольставни, одновременно поднимавшиеся на окнах корпусов. За окнами стояли люди. Их силуэты отчетливо выделялись на фоне залитых голубоватым светом прямоугольников, очистившихся от черных полотнищ. Почему-то это зрелище выглядело жутко. Тияна резко отвернулась, и ее взгляд уперся в огромные двустворчатые двери, к которым привел ее Горан. Над каждой дверью было высечено изречение на сербском языке, нанесенное такими витиеватыми буквами, что Тияна с трудом разобрала слова. Надпись над левой дверью гласила: *«Будь смиренным, ибо ты сделан из грязи»*. Фраза справа оказалась длиннее, и над ней Тияна ломала голову чуть дольше: *«Будь великодушным, ибо ты сделан из звезд»*.

У Тияны вырвался вздох облегчения. Места, где высекают в камне такие слова, не могут быть обителью зла. Наверняка здесь работают хорошие, добрые люди.

Горан взялся за круглое металлическое кольцо, вмонтированное в дверное полотно, и потянул его на себя. Дверь бесшумно открылась, обнажая темное и холодное нутро холла: внутри здание оказалось таким же мрачным, как и снаружи.

Звук быстро бегущих ног, донесшийся откуда-то сверху, привлек внимание Тияны. Она повернула голову и увидела широкую винтовую лестницу, извивавшуюся вдоль стены. Топая по каменным ступеням, по лестнице спускалась невысокая дородная женщина лет пятидесяти в длинном бежевом платье из грубой ткани и в белой косынке, из-под которой выбивались рыжие волосы с легкой проседью.

– Наконец-то! Дождались! Скорее, скорее! Йована вот-вот испустит дух! – закричала она на сербском.

Тияна отметила про себя, что с легкостью ее понимает, хотя ей и потребовалась пара секунд для осмысления.

Горан вскинул голову, сверкая глазами в сторону встречавшей их женщины. – Йована обещала нас дождаться, а она никогда не нарушала своих обещаний.

– Да, конечно, но ее состояние... – Женщина сцепила руки и порывисто прижала их к груди.

– И вы позабыли о приветствии! – сурово напомнил он ей.

– Ох, и правда! Это ужасно! Простите меня! С приездом, э-э... госпожица Тияна и... э-э... господин Горан. – От Тияны не укрылось, что оба имени женщина произнесла с запинкой, словно не была уверена в том, что это верные имена. – Не подумайте плохо, в другое время вам бы устроили более достойный прием, но у нас такое горе... Наша благотельница готовится оставить нас! – Она громко шмыгнула носом и, прижав ладони к лицу, замотала головой.

– Довольно причитаний! Лучше позаботьтесь о том, чтобы багаж гости доставили в ее комнату. Водитель должен был выгрузить его у служебного входа. Надеюсь, комната для гости готова?

– Давно готова, господин э-э... Горан... – Женщина вновь запнулась, выговаривая его имя, и это показалось Тияне странным, как и то, что Горан вообще ни разу не обратился к женщине по имени. Да и смотрели они друг на друга так, словно впервые встретились. Но ведь Горан говорил, что всю жизнь проработал в грязелечебнице! Нет, наверное, причина в том, что женщина убита горем, явно едва сдерживает рыдания, поэтому и запинаясь. Ну а Горан заметно раздражен и наверняка устал с дороги, этим и объясняется его поведение. У Тияны тоже от усталости подкашивались ноги, но пока об отдыхе нечего было и мечтать, ведь первым делом нужно навестить бабушку.

Тияна все еще цеплялась за руку Горана и чуть не упала, когда он резко двинулся вперед, направляясь к крутой винтовой лестнице, похожей на гигантский каменный штопор. Они пересекли просторный холл, темный и сырой, еще и оформленный так, будто ему пытались придать вид пещеры, обжитой неандертальцами: стены сплошь покрывали невнятные рисунки и знаки, похожие на древние письмена. «Довольно диковатое оформление для международного курорта!» – с тревогой подумала Тияна, но тут же успокоила себя тем, что, скорее всего, подобный дизайн был сделан в расчете на пресыщенных роскошью богачей, которые обычно ценят подобную экзотику. Интересно, для какой цели выстроили такие высокие своды и установили огромные входные двери? Как в храме! Хотя нет, едва ли здесь почитают каких-то богов, разве что языческих. И не очень-то заботятся о чистоте – вон, весь пол в жирных комьях свежей грязи! Возможно, еще и поэтому Горан разозлился на женщину, которая их встречала. Видимо, с болезнью бабушки хозяйство сразу же пришло в упадок. Но не слишком ли быстро? Откуда взялось столько грязи? Будто стадо слонов забрело в холл прямо из джунглей, расквашенных тропическими ливнями.

Поскользнувшись, Тияна вцепилась в Горана обеими руками. Он поддержал ее, ворча себе под нос:

– Развели здесь болото! – Его сердитый взгляд, взметнувшийся вверх и вероятно адресованный женщине в бежевом платье, пронзил пустоту: та уже скрылась из виду. Из бокового коридора второго этажа послышался ее голос:

– Пройдемте за мной, господин Горан и госпожица Тияна!

В недрах замка гулко гроыхнуло, будто из стены вывалился огромный камень, и пол под ногами пару раз вздрогнул. С ужасом оглядевшись, Тияна убедилась, что каменные своды, находившиеся в поле ее зрения, не повреждены. Но ведь где-то явно что-то обрушилось! Она заметила на противоположной от входа стене полукруглую нишу с высеченным на ней изображением змеи, свернувшейся в кольца вокруг чаши. Рисунок напоминал медицинскую эмблему, так называемую чашу Гигиен, какие часто встречаются на вывесках лечебных учреждений,

только здесь чаша была без подставки, а змея выглядела слишком упитанной, с оттопыренным брюхом, в котором угадывались очертания только что проглоченной жертвы. «Вероятно, у мастера руки дрожали», – Тияне хотелось думать, что было именно так, но воображение, подстегиваемое страхом, подбрасывало ей мысли о жестоких ритуалах и кровожадных чудовищах.

Горан, уже ступивший на лестницу, настойчиво потянул Тияну за руку.

– Что это – чаша Гигеи? – решила уточнить Тияна, кивая в сторону ниши.

– Гигеи? – Горан удивленно вскинул брови и ответил после секундного замешательства. – Да, действительно похоже, но нет. Это чаша Аждаи, символ нашей грязелечебницы. Аждая – мифический дракон, точнее, дракониха. Курорт назван в ее честь, потому что, согласно легенде, появился благодаря ей. Ну а чаша символизирует озеро с лечебной грязью. Разве отец тебе не рассказывал?

– Не помню такого... – Тияна пожала плечами и начала подниматься по каменным ступеням.

– Что ж, позже я расскажу тебе легенду об Аждае и историю создания грязелечебницы, но сейчас нам надо спешить. Сиделка Йованы очень обеспокоена состоянием твоей бабушки.

«Сиделка Йованы, – повторила про себя Тияна. – Он, что, правда, не знает ее имени? Ой, а когда это он перешел со мной на «ты»? И моего согласия не спрашивал».

Они поднялись на галерею второго этажа, лестница вела еще выше, но там галереи не было, лишь небольшая площадка с одной дверью без каких-либо обозначений. Дверь выглядела просто, но таинственно. Тияна замешкалась на мгновение, разглядывая ее и гадая, что может за ней скрываться.

– Позже я покажу тебе здание, идем же! – Горан грубовато подтолкнул ее к слабо освещенному коридору, отходящему от галереи. Тияна удивленно покосилась на своего провожатого: складывалось впечатление, что он совершенно утратил остатки приличия.

Где-то неподалеку скрипнула дверь, и тихий старческий голос прошамкал:

– Петра, кто там? Я слышала разговоры...

– Ваша внучка здесь, госпожа Йована, – прозвучал ответ сиделки. – Господица Тияна и господин Горан приехали!

– Приехали... – Слово, прошелестевшее слабым эхом, сменилось сиплым тяжелым вздохом, а тот прервался сухим покашливанием.

– Бабушка! – взволнованно воскликнула Тияна и устремилась вперед, но далекий пронзительный визг, прозвучавший позади, где-то в глубине замка, заставил ее испуганно обернуться.

– Ветер, – пояснил Горан, настойчиво подталкивая ее к распахнутым двустворчатым дверям, за которыми виднелся силуэт сиделки и край кровати.

– Нет же, я слышала крик, кажется, это кричало какое-то животное, – возразила Тияна, медля у порога.

– Здесь нет животных, но повсюду гуляют сквозняки. Входи же! – почти рявкнул на нее Горан и втолкнул в комнату.

– Наконец-то... – донеслось из вороха подушек и одеял, громоздившихся на кровати.

Тияна с трудом разглядела там высохшую и бледную как моль старушку, да и то лишь благодаря тому, что та приподняла над постелью дрожащую руку. Скрюченный палец согнулся дважды, призывая Тияну подойти ближе.

– Дай хоть глянуть разок на тебя перед смертью. – Светлые и прозрачные, как лед, глаза Йованы заблестели от наворачнувшихся слез. – Красавица... Вся в меня, не отличить.

– Здравствуй, бабушка. – Тияна склонилась над кроватью и прикоснулась губами к холодному морщинистому лбу, чувствуя угрызения совести от того, что не хотела сюда приезжать. И ведь если бы не смерть отца, этой встречи никогда бы не произошло.

Прерывистое свистящее дыхание Йованы защекотало ее шею. Растрогавшись, Тияна провела ладонью по разметававшимся на подушке белым волосам. Измученное болезнью лицо бабушки просияло.

– Теперь можно и умереть. – Бесцветные губы растянулись в грустной улыбке.

– Не говори так. Здесь есть врач? Я хочу побеседовать с ним о твоём здоровье.

– Врачам здесь больше делать нечего. Мне осталось несколько вздохов... Но я еще не все дела на этом свете закончила... – Йована прижала руки к своему горлу, будто ей не хватало воздуха, ее пальцы затеребили ворот ночной сорочки. – Помоги мне! – прохрипела она.

– Что сделать, бабушка?! Воды? Лекарство? Что?.. – Тияна, только что присевшая на краешек кровати, вскочила на ноги.

– Возьми... амулет... вот он! – Йована вытащила из-под выреза сорочки металлический предмет на толстой цепочке, по размеру и форме похожий на небольшое куриное яйцо. Его поверхность покрывали мелкие отверстия и борозды гравировки, в которой угадывалось изображение такой же толстобрюхой змеи, как и на стене ниши в холле. Потом Тияна вспомнила, что это не змея, а дракон – по словам Горана, но, по ее мнению, этот дракон почти ничем не отличался от змеи, ну или просто она его еще не разглядела как следует.

Перекинув цепочку через голову, Йована вытянула ее из-под себя и подала Тияне со словами:

– Прими в дар!

– Зачем, бабушка? Это твое, ты сама еще его поносишь.

– Прими! – требовательно повторила Йована и ткнула в нее костлявым кулаком с зажатым в нем амулетом.

Она неотрывно следила за тем, как Тияна надевает на себя амулет и выдохнула с облегчением, дождавшись, когда украшение оказалось на груди внучки.

– Ну все... теперь Аждая твоя. Позаботься о ней.

– Что? В каком смысле, бабушка?

Рука Йованы, едва коснувшись щеки Тияны, плетью упала на постель. Бабушка длительно выдохнула и больше не вдохнула. Полупрозрачные пергаментные веки сомкнулись, придавленные печатью смерти, лицо расслабилось и как будто помолодело.

– Бабушка! – испуганно вскрикнула Тияна, склоняясь над ней.

– Она больше тебя не услышит. – Тяжелая рука Горана по-хозяйски легла на ее плечо.

Глава 3

С тупой отрешенностью Тияна смотрела, как двое мужчин в бежевой униформе укладывают маленькое тщедушное тело бабушки на каталку и накрывают его простыней. Они появились спустя пару минут после того, как Горан вызвал их по стационарному телефонному аппарату, стоявшему на тумбочке в изголовье кровати (судя по всему, это была внутренняя связь, как в отелях, потому что он нажал всего на три кнопки). На лицах мужчин застыло выражение глубокой скорби, но они не проронили ни слова – тихо вошли, тихо вышли, и Горан молча ушел вместе с ними. Колеса каталки тонко поскрипывали в тишине. Скрип напоминал жалобное поскуливание потерявшегося пса, этот звук еще долго было слышно из глубины коридора, а когда он смолк вдаль, Тияна, сама от себя не ожидая, судорожно всхлипнула от внезапно накатившего на нее чувства одиночества, такого щемящего и болезненного, как никогда прежде. После смерти бабушки у нее не осталось никого из родных на всем белом свете. И пусть они с бабушкой никогда раньше не виделись, однако Тияну согревала мысль о том, что у нее есть хотя бы одна близкая родственница. Теперь же ей казалось, что ее душа превратилась в ледник. Никого, совсем никого у нее больше не было!

Горячие слезы обожгли щеки Тияны. И пусть! Сейчас слезы были вполне уместны. Хорошо, что люди не могут читать мысли, иначе сиделка, стоявшая поблизости, у опустевшей кровати, узнала бы, что Тияна оплакивает не столько бабушку, сколько свою несчастную судьбу. Как только Тияна об этом подумала, сиделка неожиданно подошла к ней и заключила ее в объятия.

– Крепитесь, госпожица Тияна! Соболезную вашей утрате и скорблю вместе с вами. Какой страшный удар! Мы все осиротели сегодня.

– Благодарю... Петра. – Тияна вдруг вспомнила имя, которым Йована назвала сиделку. – Не называйте меня госпожцей, ладно? Обращайтесь просто по имени. И можно на «ты».

Сиделка закивала, шумно всхлипнула, отвернувшись и поспешно отошла к окну: наверное, побоялась залить Тияну своими слезами, хлынувшими в три ручья.

За окном открывался вид на влажно поблескивавшие крыши корпусов, над которыми величественно вздымались серые горы, ощерившиеся остроконечными макушками сосен. Ветер нещадно трепал и гнул деревья, словно пытался переломать, и Тияне показалось, что она слышит надрывный стон их могучих стволов, но вряд ли это было возможно на таком расстоянии, да еще при наглухо закрытом окне. И все же... Какой-то звук определенно доносился до ее слуха, но Тияна не могла понять, откуда он исходит. Неужели это снова отголоски жуткого визга, которые она недавно услышала в коридоре? Если подобные звуки будут часто тревожить ее, она обязательно постарается отыскать их источник.

Петра метнула короткий взгляд в сторону входа в спальню – вероятно, тоже услышала что-то. Через мгновение она вновь уткнулась лицом в мятый клетчатый платок, но Тияна успела заметить, что в ее глазах плещется, смешиваясь со скорбью, глубокий страх. Но вдруг Петра вскинула голову и воскликнула:

– Взгляните только, как Йована выглядела всего лишь месяц назад!

У Тияны мелькнула мысль, что сиделка намеренно отвлекает ее внимание от посторонних звуков. Петра указывала ей на картину, висевшую на противоположной от окна стене. Увидев ее, Тияна удивленно распахнула глаза: женщина на картине была почти точной копией ее самой, только на пару десятков лет старше. Такой же миндалевидный разрез глаз, и цвет тоже зеленый. Прямой тонкий нос с чуть вздернутым кончиком, высокие скулы, ямочка на подбородке... Йована здесь выглядела примерно лет на сорок, и при этом вид у нее был очень свежий. Понятно, что художник мог приукрасить портрет, но все же... Не может быть, чтобы Йована имела такую внешность всего месяц назад. Наверное, здесь должен быть еще один портрет.

– Увечье мгновенно состарило ее, – пояснила Петра. – Она в считанные дни высохла у меня на глазах! И ведь полиция так и не поймала мерзавца!

– Мерзавца?! – удивленно переспросила Тияна.

– Ну да, того, кто ее толкнул.

– Но... Горан сказал, что бабушка сама поскользнулась.

– Это официальная версия, для полиции и общественности.

– Но почему бабушка скрыла от всех, что ее толкнули?!

– Наша Йована святая, даже своего убийцу пожалела! – Петра продолжала созерцать портрет Йованы с фанатичным блеском в глазах.

– Но кто мог совершить такое?! Зачем кому-то нападать на бабушку?

– Вот и я голову ломаю: зачем? Ведь Йована для всех была благодетельницей! Ее курорт, знаменитый на весь мир, стольким людям здоровье вернул, а часть прибыли от этого бизнеса Йована направляла на благоустройство поселка, еще и монастырю жертвовала, и нуждающимся помогала.

– Я знаю об этом. Может быть, ее ограбить хотели?

– Ой, что вы! Территория у нас закрытая, посторонних нет. Да и много ли ценностей берут с собой люди, отправляясь на прогулку к озеру?

– Ну да, такое маловероятно. Наверное, у нее были какие-то враги? Она часто рассказывала в письмах, что ее вынуждали продать курорт, и мне кажется, что это очень ее удручало.

– Но убийца же не получит грязелечебницу. Ведь вы – наследница.

– Я?!

– А чему вы удивляетесь? У Йованы больше нет никого из родных. Она еще год назад говорила, что завещала грязелечебницу вам.

– У нее был сын, мой отец, он умер совсем недавно. Почему она не составила завещание на него?

– Трудно сказать. Йована никогда не упоминала о сыне, говорила только о внучке, то есть о вас.

– Очень странно! – Тияна хотела добавить, что мало интересовала свою бабушку, судя по скудным письмам, которые та писала отцу, но говорить такое о только что умершем человеке показалось ей неправильным, и она промолчала.

– Выходит, на вас свалилось двойное горе: смерть отца, а теперь и смерть бабушки. – Петра сокрушенно покачала головой. – Бедняжка! А что случилось с вашим отцом? Ведь он, верно, был еще достаточно молод?

Тияне не хотелось отвечать, но и проигнорировать вопрос было бы бестактно. Ситуацию спас Горан, возникший в проеме спальни внезапно, как привидение.

– Тияна, пойдем, я провожу тебя в твою комнату. – Он покровительственно посмотрел на нее, а затем удостоил Петру коротким беглым взглядом. – А вам через полчаса надлежит явиться в кабинет управляющего, там состоится совещание по поводу организации похорон, вы тоже в числе приглашенных.

– Что прикажете делать с комнатой? Прибирать или нет? – растерянно спросила Петра.

Горан выразительно сдвинул брови:

– Пока просто закройте, позже решим. Я бы оставил здесь все как есть и не позволил бы отдавать эту комнату кому бы то ни было, но решать не мне, а... – Он перевел взгляд на Тияну. – Вот кто у нас теперь главный.

– Нет, нет, я к такому не готова! – Тияна почувствовала, что покрывается испариной, несмотря на то, что в комнате вовсе не было жарко. Она и мысли не допускала, что ей придется надолго задержаться в грязелечебнице и решать какие-то хозяйственные вопросы. Сразу после похорон она собиралась вернуться домой, хотя там никто ее больше не ждал, но здесь... здесь ее не отпускала какая-то необъяснимая тревога. Что-то было не так... Что-то зловещее

витало в воздухе. Не давали покоя мысли о странных звуках, теперь вот еще выяснилось, что на бабушку было совершено покушение.

Тияну вдруг осенила догадка: она подумала, что Йовану мог убить тот же преступник, который расправлялся с ее близкими на протяжении нескольких последних лет. Немного бредовая версия, конечно, но проверить ее не помешает. Надо будет позвонить детективу, как только она доберется до своей комнаты. Ох, поскорее бы! Ноги прямо подкашиваются от усталости. Кстати, а ведь детектив ей так и не перезвонил... Он что, не видел ее пропущенный вызов?

Переступив порог номера, в который привел ее Горан, Тияна испытала наплыв сентиментальных чувств: бросилось в глаза, что над убранством потрудились от души, стараясь сделать так, чтобы гостя захотела остаться здесь навсегда. Мило, очень мило! В гостиной все бежевое и пепельно-розовое: мебель, портьеры, отделка стен и всевозможные мелочи вроде вазочек и шкатулок, расставленных повсюду. Правда, к этой палитре добавили и немного серого в качестве акцента: ковровое покрытие на полу, рамы картин на стенах, плафоны светильников и абажуры торшеров – все эти предметы имели оттенок вековой пыли, но не утяжеляли интерьер, а наоборот, лишь подчеркивали его воздушность.

Спальня была выдержана в светлых холодных тонах: кровать, комод, шкаф для одежды во всю стену, ковер с густым ворсом – все в единой нейтральной гамме, и нигде ни пылинки.

К огорчению Тияны, кухня в номере отсутствовала – судя по всему, за ненадобностью, ведь продуктовых магазинов на территории грязелечебницы Тияна не заметила. Однако в прихожей у входа в гостиную обнаружился шкафчик с кофемашиной и всем необходимым для приготовления кофе, включая пакетированные сливки и бумажные стаканчики с пластиковыми крышечками. Это открытие порадовало Тияну и примирило с отсутствием кухни.

Из окон гостиной и спальни открывался потрясающий вид на озеро. Водная гладь сверкала от солнечных бликов. Утренний туман отступил к горным хребтам и залег в долинах: день близился к полудню.

Тияне показалось, что в ее номере гораздо уютнее, чем было у бабушки, хотя, вполне возможно, что там было и не хуже, просто вид смертного ложа создавал гнетущее впечатление.

Тияна вновь устыдилась того, что ее голову занимают мысли о таких обыденных вещах в то время, как еще и часа не прошло после смерти Йованы, но она не могла заставить себя испытывать глубокую скорбь по человеку, которого почти не знала. Как только за Гораном закрылась дверь и отпала необходимость удерживать на лице трагическую маску, Тияна наконец позволила себе расслабиться, правда, ненадолго: Горан должен был вскоре вернуться, чтобы принести ей обед из столовой. Кажется, ее слова о том, что у нее совсем нет аппетита, пролетели мимо его ушей. Интересно, как скоро он вернется? Попробовать позвонить детективу прямо сейчас или лучше подождать, когда Горан принесет еду и уйдет окончательно? Не хотелось бы, чтобы он заявился во время разговора. Ему незачем знать о том, что она наняла частного детектива. Никто не должен знать об этом – такое условие было прописано в договоре об оказании розыскных услуг. Конечно, Горан вряд ли попадет в число подозреваемых в убийстве родных Тияны, ведь все эти годы он жил в другой стране и приехал в Россию всего несколько дней назад, но ее беседа с детективом может вызвать у Горана вопросы, отвечать на которые у нее не было никакого желания.

И все же Тияна не удержалась, достала телефон, нажала клавишу разблокировки и разочарованно уставилась на вспыхнувший экран: в верхнем правом углу чернело два крестика, и это означало, что ни сотовой связи, ни интернета здесь нет. Без особой надежды Тияна перезагрузила телефон, недоумевая, почему так произошло: еще до вылета в Сербию она специально узнавала у сотового оператора, будет ли работать ее действующая сим-карта за границей, и ее заверили, что беспокоиться не о чем, разве что стоимость минуты заметно повысится, но финансовая сторона вопроса Тияну не волновала. Если дело не в сим-карте, тогда в чем же?

Она трясла ставший совершенно бесполезным телефон, нажимала на экран и на корпус в разных местах, вытаскивала и заново устанавливала сим-карту (вдруг где-то контакт пропал, или «глюк» случился), но ничего не менялось. Вернувшийся с огромным бумажным пакетом Горан застал ее за этими манипуляциями и, сразу сообразив, в чем дело, сообщил:

– Сотовой связи здесь нет.

Тияна вскинула голову, отрывая взгляд от экрана:

– Да, я вижу, но не понимаю, почему.

– Потому что программа оздоровления на нашем курорте предусматривает полную изоляцию пациентов от внешних раздражителей – это и телевидение, и интернет. Телефонные разговоры, конечно, тоже в этом списке. Иначе лечение может не сработать.

– Ка-ак?! И клиенты соглашаются? – От разочарования у Тияны даже голос дрогнул.

– Ну, еще бы! – усмехнулся Горан. – У многих настолько серьезные недуги, что они согласны на все ради исцеления. И мы им это исцеление гарантируем, но лишь при соблюдении всех условий.

– А как же сотрудники? Им ведь не обязательно придерживаться таких ограничений?

– Да, но мы не можем изолировать одних только пациентов, связь глушится на всей территории грязелечебницы.

– Как же вы работаете без связи? Как находите новых клиентов, общаетесь с поставщиками продуктов, с коммунальными службами и тому подобное?

– Что касается поиска клиентов, у нас полно представительств повсюду, ну а для решения хозяйственных вопросов есть отдельный офис в поселке Миран.

– Тот самый поселок, который опекала Йована?

– Точно. Она была оттуда родом, как и ее мать, твоя прабабка. Там мы ее и похороним, на местном кладбище. Погребальная церемония назначена на завтра, в десять утра из грязелечебницы в поселок отправится катафалк с ее телом и автобус с теми, кому позволено присутствовать на погребении.

– Позволено? То есть поехать могут не все желающие?

– Кто-то ведь должен остаться, чтобы проводить процедуры, многим пациентам нельзя прерывать лечение даже на один день, поэтому те, кто не сможет поехать на кладбище, попрощаются с Йованой здесь. Гроб будет выставлен в холле этого здания. Но ты, безусловно, можешь поехать.

– Конечно же, я поеду! – поспешно воскликнула Тияна, думая о том, что сможет позвонить детективу из поселка, если, конечно, удастся хотя бы ненадолго отделаться от Горана, который наверняка тоже поедет на кладбище.

– Я буду сопровождать тебя, – произнес Горан, подтверждая ее предположение. – Да, кстати, а кому ты хотела позвонить?

Этот вопрос застал Тияну врасплох. Какая бестактность! Она что, должна ему отчитываться о своих действиях? Жаль, что воспитание не позволяет ей сказать то, что хочется.

– Да так... ничего важного. Хотела перекинуться парой слов с одной подругой, – невозмутимо ответила она, пряча телефон в карман.

У Горана сделался такой удивленно-недоверчивый вид, словно он точно знал, что она лжет. Бумажный пакет с продуктами захрустел в его руках, сжавшихся от напряжения. Он поставил его на круглый столик из белого мрамора, стоявший в гостиной напротив окна.

– Приятного аппетита! Позже можешь вызвать горничную, она все уберет. Стационарный телефон внутренней связи найдешь в спальне, на тумбочке у кровати. Там же лежит буклет со списком служебных номеров и меню столовой, можешь заказывать еду в номер или распорядиться, чтобы тебе накрыли в столовой заранее. Располагайся, отдыхай. Привыкай.

Последнее слово вызвало протест в душе Тияны.

– Я планирую уехать через пару дней после похорон, – решительно заявила она.

– Что за спешка? Разве тебе не нравится это чудесное место? – Горан пристально посмотрел на нее, не скрывая своего недовольства.

– Дело не в этом. Просто я не планировала задерживаться здесь надолго. Хочу поскорее вернуться домой.

– Эта грязелечебница может стать твоим домом. Йована доверила ее тебе. – Многозначительный взгляд Горана устремился к металлической подвеске на груди Тияны. – И ты приняла ее дар.

– Что? Нет, я лишь взяла ее украшение, потому что она меня об этом попросила. Это не имеет отношения к грязелечебнице. Я не смогу здесь остаться, мое место там, где похоронены мои родители. По закону ведь можно отказаться от наследства, так? Я хотела бы сделать это.

– Не стоит спешить с такими важными решениями. Вижу, ты измотана. Вернемся к этому разговору, когда ты как следует отдохнешь. И тебе не мешало бы показаться нашему главному врачу: все-таки двойные похороны – сильный стресс. А сейчас мне пора. Если я вдруг тебе понадобится, набери номер управляющего, сейчас я исполняю эти обязанности.

Горан вышел из комнаты, раздраженно хлопнув дверью. Но, может быть, это был всего лишь сквозняк?

С тяжелым вздохом Тияна повернула защелку под дверной ручкой и вернулась в комнату, наполнившуюся аппетитными запахами, исходившими от пакета. Надо же, она и не подозревала, что так зверски голодна! Пакет был под завязку наполнен контейнерами с разнообразной едой, на каждом из которых имелась наклейка с названием блюда и его составом. Самым простым и понятным в этом кулинарном изобилии оказался салат из свежих шампиньонов с сыром. Тияна уплела его в одно мгновение и принялась за чорбу – густой томатный суп с фасолью и говядиной. Расправившись с ним, почувствовала, что свободного места в желудке совсем не осталось. Полюбовавшись румяными чевапчиками и алым паприкашем, она отломил крошечный кусочек зеляницы – слоеного пирога, начиненного сочной зеленью, запила съеденное ароматным ягодным морсом из цветастого картонного стаканчика с пластиковой крышечкой и с сожалением завернула край пакета, не опустевшего даже наполовину. Наслышанная о достоинствах сербской кухни, Тияна познакомилась с нею впервые и теперь думала, что это была лучшая еда в ее жизни. Наверняка все блюда готовили с душой и надеждой на то, что гость, отведавший их, погостит здесь подольше. Или... или, может, так постарались специально для нее, Тияны? Может быть, все они тут сговорились и решили оказать ей такое гостеприимство, чтобы она захотела остаться в грязелечебнице насовсем? Но почему? Только лишь из-за того, что она – внучка Йованы? Так ведь это же еще не означает, что она будет такой же благодетельницей, как ее бабушка. Тияна вообще считала себя закоренелой эгоисткой, хотя сострадание не было ей чуждо. Иногда она жертвовала небольшие суммы приютам для бездомных животных и на операции для больных детей, но посвятить всю свою жизнь служению благим целям не смогла бы. Таких людей, как Йована, очень мало, и на них держится весь мир. Просто в голове не укладывалось, что кто-то мог желать Йоване смерти! Для жаждущих завладеть этим курортом не имело смысла убивать владелицу, это не привело бы их к желаемому результату. Значит, у Йованы был какой-то враг, ну, или злой рок, сгубивший всех, кого любила Тияна, добрался в конце концов и до бабушки. И вполне вероятно, что у этого злого рока имелось человеческое воплощение. Тияна очень надеялась, что детективу удастся докопаться до истины.

После сытной еды на Тияну накатила сонливость, и все тревоги отступили на задний план. С воодушевлением поглядывая на пышную кровать и мечтая поскорее в ней утонуть, она все же задумалась, куда бы пристроить пакет с едой: выбрасывать его не хотелось, ведь там еще осталось столько всего вкусного! Окинув взглядом гостиную, Тияна заметила небольшой мини-бар, замаскированный под одну из тумб длинного стола, занимавшего почти всю стену. Наличие там холодильника выдал шум работающего компрессора, похожий на урчание сытого кота. В его прохладных недрах обнаружился целый арсенал маленьких бутылочек с

минеральной водой. Судя по эмблеме грязелечебницы, красовавшейся на всех этикетках, вода была местного разлива.

Не удержавшись от соблазна попробовать на вкус целебную воду из источников грязелечебницы, Тияна выбрала наугад одну из бутылочек, плавно открутила крышку, выпуская газ, и сделала большой глоток. Возникло ощущение, что этот глоток вдохнул в нее жизнь, даже сонливость как рукой сняло. Рот и горло защекотали мелкие, быстро лопающиеся пузырьки. Вкус воды оказался приятным, в меру солоноватым и освежающим. Вся минералка, какую Тияне довелось пробовать прежде, не шла ни в какое сравнение с этой.

Приблизившись к окну и открыв его пошире, Тияна взобралась на подоконник, подтянула колени к подбородку и, прихлебывая воду из бутылки, принялась изучать вид, открывшийся снаружи. Отсюда можно было бы сделать отличный снимок для рекламного буклета. Вокруг озера, синее ярче неба, нежились пациенты грязелечебницы: одни загорали, растянувшись на белоснежных шезлонгах, другие предпочли устроиться в легких креслицах под сенью тентов, некоторые стояли по щиколотку в воде и обмазывались сизой грязью, которую черпали со дна водоема. Те, кто уже успел обмазаться с головы до ног, оставив нетронутым лишь пространство вокруг глаз, выглядели, как дикари из африканского племени в ритуальной раскраске. На одной из лавочек, стоявших в стороне от пляжной зоны и отделенных от нее живой изгородью, самозабвенно целовалась влюбленная парочка. Наверное, они думали, что нашли укрытие от посторонних глаз, но сверху их было отлично видно: второй этаж здания, где располагался номер Тияны, находился на приличной высоте, примерно как пятый или шестой для обычного жилого дома.

Глядя на плавно покачивающиеся головы целующихся, Тияна вспомнила своего погибшего парня, и ощущение одиночества вновь обострилось. Будет ли еще у нее в жизни новая любовь? Едва ли она сможет впустить кого-то в свое сердце, по крайней мере, пока не прольется свет на причины загадочных смертей, унесших жизни всех ее близких. Тияну страшила мысль о том, что короткое счастье в очередной раз закончится болью утраты. Она допила минералку и сползла с подоконника, собираясь отправиться в душ, а потом забраться в постель и вздремнуть немного, но ее внимание привлекла женская фигура в медицинском халате, быстро приближавшаяся к парочке на скамейке. Парень и девушка, услышав шаги, отпрянули друг от друга и оглянулись. Поравнявшись с ними, женщина деловито подбоченилась и что-то произнесла. Даже издали было заметно, какое у нее строгое и недовольное лицо. Парень поднялся и, обернувшись к девушке, поспешно распрощался с ней, а затем пошел вслед за женщиной в халате в сторону одного из лечебных корпусов. Девушка долго смотрела им вслед с явным недоумением.

«Что это было? Какая некрасивая сцена! – Тияна потрясенно осмысливала произошедшее. – Может быть, пациентов оберегают не только от «внешних раздражителей», но и запрещают крутить романы во время курса лечения?» – предположила она, скользя изучающим взглядом по фигурам пациентов и отмечая, что никто из них не общается друг с другом. Один из мужчин, дремавший в шезлонге, показался ей смутно знакомым. Присмотревшись к нему, Тияна вдруг поняла, что он напоминает ей частного детектива, которого она наняла перед отлетом в Сербию. Или... или это он и есть?! Но такого просто не может быть!

Порывисто подавшись вперед, Тияна навалилась на подоконник, высываясь в приоткрытое окно. Поразительное сходство, просто копия! Но, конечно же, это не он. Да и мало ли на свете похожих людей. И все же желание пойти к озеру и рассмотреть мужчину получше росло с каждой секундой и вскоре превратилось в намерение.

С колотящимся сердцем Тияна покинула номер, чуть не забыв взять с собой карточку с электронным ключом-чипом – без нее назад было не попасть. Хорошо, что карточка, лежавшая на полке стеллажа в прихожей, попала ей на глаза в последний момент. Дверь запиралась автоматически, как в отелях, и для того, чтобы открыть ее, пришлось бы искать Горана, а

тот непременно поинтересовался бы, с какой целью Тияна куда-то выходила. Объясняться с ним не хотелось, в таком состоянии она наверняка ответит ему что-нибудь дерзкое. Можно, конечно, соврать, что у нее возникло желание прогуляться, но он, само собой, в это не поверит, ведь они оба провели ночь в самолете и очень устали. С другой стороны, она ведь здесь не пленница и вольна гулять, когда вздумается, но Горан наверняка заподозрит неладное и, чего доброго, начнет за нею присматривать. Да и врать Тияна не любила. Лучше уж вовсе с ним не сталкиваться до ужина.

Короткий коридор вывел Тияну к галерее, откуда была видна винтовая лестница, спиралью уходящая в холл первого этажа. Оглядевшись, Тияна убедилась, что вокруг нет ни души, и, стараясь ступать бесшумно, спустилась вниз. Каменные ступени были кое-где покрыты зеленоватым налетом. Что это, мох?! В прошлый раз, поднимаясь по лестнице по дороге в номер, Тияна смотрела больше по сторонам, чем под ноги, поэтому никакого мха не заметила. Как же странно здесь все устроено: жуткое запустение соседствует с дорогой отделкой и современными технологиями! Подумать только, такие роскошные апартаменты, и территория ничуть не хуже, чем на престижных европейских курортах, но при этом мох на ступенях и грязь в холле!

Однако на этот раз пол в холле сверкал чистотой. Его вычистили так тщательно, что теперь каменные плиты отливали зеркальным блеском. Может, и лестницу вскоре приведут в порядок? Хотя вряд ли: если ступени поросли мхом, значит, рука уборщицы не касалась их очень и очень давно. Видать, до лестницы здесь никому не было дела. Тогда почему так тщательно выдраили пол? Странно... как же все это странно...

Беспрепятственно добравшись до дверей парадного входа, Тияна толкнула их, готовясь к тому, что те окажутся заперты, но они открылись с удивительной для таких размеров легкостью. Солнечный свет брызнул в глаза, приятное тепло обволокло Тияну со всех сторон, и одновременно с этим растаяли все ее страхи и тревоги. Перешагнув через порог, Тияна отпустила дверную ручку, и створка двери бесшумно притворилась за ней. Оказавшись на просторном крыльце, она замерла на мгновение, как ныряльщица перед прыжком в воду, и всмотрелась в открывшееся перед ней пространство, будто оно представляло собой морское дно, полное подводных камней. Самым острым «камнем», на который ей меньше всего хотелось бы наступить, могла оказаться женщина в медицинском халате, разлучившая влюбленную парочку, но той, к счастью, нигде не было видно. А вот шезлонг, на котором дремал похожий на детектива мужчина, к огромному сожалению Тияны, пустовал. Тияна разглядывала берег озера в надежде, что мужчина куда-нибудь отошел (возможно, тоже решил намазаться лечебной грязью), но его нигде не было видно.

Какой-то худощавый парень в купальных плавках и белой панаме прогуливался по дощатому настилу, огибавшему водоем со стороны лаунж-зоны. Тияна нечаянно поймала на себе его заинтересованный взгляд. Парень помахал ей растопыренной пятерней, выкрикнув что-то приветственное. Ей послышалось слово «детка», произнесенное по-русски. Она была так рада услышать русскую речь в этом совершенно незнакомом месте, расположенном в чужой стране, что не удержалась и помахала ему в ответ, а потом, поражаясь собственному безрассудству, спустилась с крыльца и пошла навстречу этому парню, хотя тот был совершенно не в ее вкусе.

Глава 4

Вскоре они уже вовсю болтали, будто знали друг друга всю жизнь. Тияна не могла объяснить себе, почему этот парень вызвал у нее такое доверие, и она с ходу выложила ему гораздо больше, чем принято рассказывать посторонним людям в первые минуты знакомства. Возможно, дело было вовсе не в парне, а в ней: усталость и переживания притупили бдительность, или же ей хотелось заглушить разъедающее душу чувство одиночества и тоски, вот у нее и развязался язык. Но она должна была признать тот факт, что, будь на месте нового знакомого кто-то другой, к примеру, Горан, едва ли она стала бы так откровенничать. И еще, разглядев его с близкого расстояния, она вдруг поняла, что поспешила с выводами насчет того, что он не в ее вкусе. Худощавым он казался лишь издали, такое впечатление складывалось из-за высокого роста. Оказавшись рядом, Тияна невольно прошла взглядом по его рельефным бицепсам и внезапно почувствовала себя не в своей тарелке. Атлетически сложенный, с красивым мужественным лицом и горящим взглядом, он больше походил на фитнес-тренера или молодого бизнесмена, который, несмотря на занятость, регулярно уделяет время физическим нагрузкам. Что он делает в грязелечебнице? Назвать его пациентом язык не поворачивался: слишком уж он не походил на человека, страдающего хоть каким-нибудь недугом.

Он представился Николаем Буренковым из Москвы – зачем-то назвал ей и фамилию, и город, хотя она его об этом не спрашивала. Возможно, таким образом он пытался продемонстрировать свою открытость и расположить ее к себе. Что ж, это ему удалось. Потом он предложил обращаться к нему коротко – Ник, и, не дожидаясь, когда она назовет свое имя, спросил, с ходу переходя на «ты»:

– А ты, должно быть, Тияна Лютич? И тоже москвичка, как и я?

– А что, это так заметно? – Она вскинула на него удивленный взгляд.

– Ну как же, о твоём приезде тут уже с неделю судачат, – усмехнулся он.

– Неделю? Но неделю назад я даже не знала, что приеду сюда, – удивилась Тияна. – И потом, у меня же на лбу имя не написано.

– Верно, не написано, но о приезде новых туристов, как правило, всегда становится известно заранее, а таких разговоров я не слышал. Ждали именно внучку Йованы Лютич, а у тебя есть особая примета, подсказавшая мне, что это как раз ты. – Он с интересом уставился в вырез ее платья.

Тияна вспыхнула, расценив такое поведение как нахальство, и хотела тут же уйти, но в следующий миг до нее дошло, что парень заинтересовался не тем, о чем она подумала, а ее амулетом, подаренным Йованой. Тяжелое украшение холодило кожу Тияны у основания шеи, чуть ниже яремной впадины, – именно там, куда и смотрел Ник.

– Красивая вещица! – заметил он. – На тебе она смотрится еще лучше, чем на хозяйке грязелечебницы.

– Моя бабушка только что умерла... – сообщила Тияна, поспешно принимая скорбный вид.

– Ох, прости! Соболезную твоей утрате. Конечно, эта трагическая новость была ожидаема, врачи говорили о том, что Йована не оправится после травмы, но все равно... Как же это печально! Что ж, не смею больше отвлекать тебя своей болтовней.

– А ты давно здесь? Часто ты видел мою бабушку? – поинтересовалась Тияна, не спеша прощаться с новым знакомым. – Расскажи о ней что-нибудь. Мне ведь даже не удалось с нею пообщаться, она успела произнести лишь пару фраз, так что... Я ее совсем не знаю.

– Вон как! И раньше ты не приезжала сюда?

– Йована часто приглашала меня в гости, но как-то все не складывалось... Мне еще повезло, что я застала ее в живых, правда, совсем незадолго до смерти.

– Да уж... – Задумчиво наморщив лоб, Ник сдвинул панаму на затылок, а затем снял ее и скомкал в руках, явно не зная, что сказать.

– Говорят, Йовану считали благодетельницей, – сказала Тияна, заполняя неловкую паузу.

– О, да, твою бабушку здесь просто боготворили! Я слышал, что ее грязелечебница многим вернула здоровье, а то и жизнь спасла. Некоторым пациентам, тем, кому требовалось prolongировать лечение, но у них не хватало на это средств, Йована позволяла завершить курс бесплатно. Были и такие, кто совсем не хотел возвращаться домой, считая это место чем-то вроде земного рая, и я могу их понять. Сам не хочу уезжать и с грустью думаю о том, что мое время пребывания здесь заканчивается уже через неделю. А раньше я был уверен, что лучшее место в мире – это Бали. – Ник насмешливо хмыкнул, словно удивляясь собственной глупости, и нахлобучил панаму обратно на голову. – Неслабо припекает, не хуже, чем в тропиках, – заметил он, взглянув на солнце и довольно шурясь. – Я ведь приехал сюда только из-за брата, чтобы забрать его домой: у нас совместный бизнес, и потребовалось его личное присутствие. Звонки и визиты к пациентам запрещены, вот и пришлось мне приобрести путевку. Но я не жалею. Знал бы, что здесь такое божественное место, купил бы более продолжительный курс, а бизнес подождет. И эта мысль впервые пришла мне в голову именно здесь, а раньше я считал, что не может быть ничего важнее бизнеса. Похоже, местные лечебные грязи лечат не только физическую хворь, но и душевную.

– А какую хворь лечишь ты? – не удержавшись, полюбопытствовала Тияна и тут же смутилась из-за своей бестактности.

Но Ник, словно не заметив этого, непринужденно ответил:

– Нет у меня никакой хвори, говорю же, за братом приехал. Выбрал курс наугад, что-то там для укрепления иммунитета. А вот у брата имеются проблемы со здоровьем, и еще какие! Но он сам виноват: любил погулять на всю катушку, особенно, когда дела в бизнесе пошли в гору. Спихватился, когда здоровье подорвал, и давай по врачам бегать, а толку ноль. И вот в какой-то клинике ему посоветовали съездить сюда. Это было еще в декабре, а теперь июнь... Полгода уж прошло, и он до сих пор слышать не хочет о возвращении домой. Прямо не знаю, что с ним делать! Но, по крайней мере, теперь, оказавшись здесь, я хотя бы понимаю его.

– И что же, так и уедешь без брата? – Тияна с удивлением обнаружила, что ей будет жаль, если этот парень вскоре покинет грязелечебницу. Но почему она об этом жалеет? Ведь и сама не собиралась задерживаться здесь надолго! Однако ее стремление поскорее вернуться домой явно утратило первоначальную остроту. Заколдованное, что ли, это место? Никто не хочет отсюда уезжать! Хотя... ну а что тут удивительного? Уголок действительно райский.

– Надеюсь, мы с ним уедем вместе. Через неделю у Глеба назначена какая-то важная процедура, и она заключительная. После этого, скорее всего, его выпишут, – так доктор сказал. – Ник окинул задумчивым взглядом горные вершины вдаль, озеро и прибрежную лаунж-зону, где заметно прибавилось желающих погреться на солнышке. – Может, потом мы сюда еще вернемся. Н-да... Не так давно мне предлагали неплохую цену за наш с братом бизнес. Надо будет обдумать эту мысль. Кажется, я еще ни разу не чувствовал себя таким живым, как сейчас. Похоже, «Чаша Аждаи» творит чудеса, лечит не только тело, но и душу. Я стал совершенно иначе смотреть на мир и ценить то, чего раньше даже не замечал.

– А меня здесь еще ни разу не потревожило навязчивое чувство, что за мной следят, – непроизвольно вырвалось у Тияны. Она разозлилась на себя за то, что сболтнула лишнего, и украдкой покосилась на своего собеседника, лелея надежду на то, что он этого не слышал. Прошло несколько секунд, и когда она уже решила, что ее последние слова пролетели мимо его ушей, он вдруг спросил:

– И давно это у тебя?

– С детства. Началось после того, как мама умерла.

– Ничего, говорят, здесь лечат даже паранойю. – Ник ободряюще подмигнул ей.

– Надеюсь, что дело не в этом, – недовольно буркнула Тияна, демонстративно отворачиваясь. Подумать только, ну кто ее за язык тянул?! Теперь он решит, что она сумасшедшая. Хотя... ну и пусть, какая ей разница, что он о ней подумает?

– Послушай, а не выпить ли нам по стаканчику лечебной водички? В лаунж-зоне должна быть холодненькая! – Судя по интонации, Ник не столько хотел «водички», сколько пытался сгладить неловкий момент. Не дожидаясь ее ответа, он отошел, бросив: «Сейчас принесу», но Тияна его не услышала. Она мгновенно позабыла о его существовании в тот миг, когда ее взгляд выхватил в массе людей того самого мужчину, который привлек ее внимание, когда она обзревала территорию грязелечебницы из окна своего номера. На этот раз Тияна была уверена, что не ошиблась. Детектив Дульский собственной персоной прогуливался по аллее в сопровождении девушки, которая тоже была знакома Тияне: именно эту девушку строгая медсестра разлучила с парнем в момент поцелуя.

Тияна стремительно пересекла лаунж-зону и, не обращая внимания на потянувшиеся следом за ней недоуменные взгляды (наверное, никто из присутствующих ни разу не видел, чтобы по территории грязелечебницы перемещались в таком быстром темпе), повернула в сторону аллеи. Она старалась не выпускать Дульского из виду и в то же время страшилась момента встречи с ним: вдруг окажется, что это все-таки не он? Тогда придется всерьез обдумать слова Ника насчет паранойи.

Но это был он! Чем меньше становилось расстояние между ними, тем сильнее росла уверенность Тияны в том, что перед ней именно Дульский. И пусть она видела его всего лишь один раз в жизни, да и то не целиком, а лишь по пояс, сидящего за столом и потеющего в своем плотном жакете, тогда как теперь на нем трепыхался легкий белый костюм необъятных размеров, придававший его фигуре дополнительный объем, но едва ли кто-то еще мог обладать точно таким же набором особых примет: большой выпуклой родинкой на щеке, блестящей лысиной и манерой вытягивать губы трубочкой во время разговора.

Когда до цели осталась лишь пара десятков шагов и можно было не опасаться, что Дульский снова ускользнет, Тияна замедлила шаг, чтобы немного перевести дух перед тем, как заговорить с ним. Ожидая, что он вот-вот ее заметит, она улыбнулась, глядя на него, двигавшегося ей навстречу вместе с миловидной спутницей, но тот, бормоча что-то, смотрел исключительно себе под ноги. Тияна расслышала, что Дульский говорит по-английски, и отметила про себя, что у него превосходное произношение – почти такое же, какое бывает у носителей языка. Английским Тияна владела неплохо, но зауважала детектива: самой ей до такого уровня было еще далеко.

Спутница Дульского изящно вскинула голову и засмеялась легко и безмятежно, как ребенок. «А наш детектив еще и сердцеед, оказывается!» – подумала Тияна, собираясь с духом, чтобы заговорить с ним, и в этот момент их взгляды встретились. Дульский сразу же отвел глаза, в них не мелькнуло и тени узнавания. Такой поворот несколько обескуражил Тияну, но она объяснила себе это тем, что у детектива может быть не такая хорошая память на лица, как у нее. Дульский и девушка проследовали мимо и начали удаляться. Тияна развернулась, догнала их и, забежав вперед, перегородила им путь, восторженно приветствуя Дульского по-русски:

– Ну надо же, какая встреча! Рада вас видеть, Карл Аронович!

Дульский улыбнулся ей в ответ, но совсем не так, как улыбаются люди, повстречавшие кого-то знакомого. Его улыбка была сдержанной и натянутой, а плотно сжатые губы выдавали некоторое недовольство.

– Sorry, but you made a mistake! – Он отрицательно помотал головой и, подхватив оторопевшую спутницу под локоть, потянул за собой. Оба продолжили свой путь гораздо более быстрым шагом, чем до этого, даже почти побежали.

«Ошибка?! Да какая, к черту, ошибка?! Дульский, ты что, спятил?!» – Возмущенная до глубины души, Тияна бросилась следом за ними и, догнав, воскликнула по-английски:

– Карл Аронович! Взгляните на меня повнимательнее, пожалуйста! Мы встречались на прошлой неделе в офисе вашего агентства в Москве!

Дульский вздрогнул, как-то воровато огляделся и, яростно уставившись на Тияну, отчеканил так, что даже самый искусный оратор позавидовал бы его дикции и апломбу:

– Повторяю: вы ошиблись, мне неизвестен человек с таким именем! Пожалуйста, не беспокойте нас, иначе я буду вынужден позвать охрану. – Его тяжелый взгляд словно пригвоздил Тияну к месту: она остановилась и, безвольно опустив руки, смотрела в спину быстро удалявшемуся Дульскому. Ее начало грызть сомнение в собственной адекватности. Правда, оставалась слабая надежда на то, что она повстречала двойника Дульского, ведь в мире много похожих людей, но такое сильное сходство – даже в мимике! – все-таки казалось ей маловероятным. Похоже, она просто не в себе. Или это от усталости? Как-никак, уже больше суток без сна. Пожалуй, самое лучшее, что она может сейчас сделать – это добраться до кровати и как следует выспаться. Да, и важно не забыть повесить на дверь табличку «Не беспокоить»: Тияна заметила, что такая табличка болталась на вешалке в прихожей ее номера. Возможно, тогда Горан не станет к ней стучаться, хотя такой тип, как он, вполне способен проигнорировать любые предупреждающие знаки. Что ж, как бы там ни было, а сегодня ему придется поужинать в одиночестве.

Две фигуры в белом – стройная женская и тучная мужская – продолжали удаляться в сторону озера. Одежда на них надувалась от ветра, и на фоне водной глади, сверкавшей под солнцем, они походили на два парусника, медленно уплывающие вдаль. Но перед тем, как скрыться за живой изгородью, отделявшей прибрежную зону от парковой, мужчина обернулся и... послал Тияне прощальный воздушный поцелуй!

Жест вышел быстрым и неуклюжим, да и выглядел странно, учитывая то, с каким раздражением мужчина перед этим говорил с ней. Может быть, он чувствует себя неловко и пытается загладить вину? Но если он и в самом деле не Дульский, то его реакция вполне закономерна: любой на его месте возмутился бы точно так же, если бы незнакомая девица начала цепляться к нему, называя чужим именем. Тогда зачем посылать воздушный поцелуй? Нелогичность этого жеста не давала Тияне покоя, и внезапно ее осенило: так ведь не было никакого воздушного поцелуя! Мужчина коснулся своих губ кончиками пальцев, а после этого просто опустил руку, – это ведь знак, означающий призыв к молчанию! Боже, так, значит, она не сошла с ума, это все-таки Дульский, и таким образом он попросил не выдавать его!

У Тияны словно гора с плеч свалилась, а в груди стало горячо от разгоревшегося любопытства: получается, детектив находится здесь инкогнито, и, скорее всего, его приезд как-то связан с расследованием, которое она поручила ему провести. Интересно, много ли он успел раскопать?

Несмотря на свалившуюся с плеч гору, Тияна почувствовала, что ноги у нее подкашиваются, словно все силы ушли на удержание этой горы и теперь совсем иссякли. Она присела на ближайшую лавочку, притаившуюся в тени фигурно остриженных кустов, и прикрыла глаза. Дульский здесь, как же это здорово! Может быть, уже совсем скоро она получит ответы на вопросы, мучившие ее многие годы.

– Are you ill? Shall i call the doctor? – раздалось над ее головой.

Перед Тияной возвышалась дородная немолодая дама, одетая, как пациентка, в безразмерную белую хламиду, под которой угадывалось крупное и рыхлое складчатое тело. Судя по обилию седины в ее волнистых волосах до плеч и по глубоким морщинам, лучиками разбегавшимся от уголков глаз к большим рябым щекам, она должна была давно уже разменять седьмой десяток, но выглядела при этом достаточно хорошо: кожа сияла здоровьем, а во взгляде угадывались ясный ум и неумное любопытство.

– Нет-нет, не надо врача! Со мной все в порядке, – заверила ее Тияна, отвечая тоже по-английски. Женщина не походила ни на сербку, ни на русскую, внешность ее относилась, ско-

рее, к скандинавскому типу: те волосы, которые еще не поседели, отливали платиной, а светло-голубые глаза имели особую хрустальную прозрачность, присущую жителям скандинавских стран.

– Но вы такая бледная... – На лице незнакомки отразилось недоверие.

Тияна поспешно пояснила:

– Это все ночной перелет, ничего страшного!

– Ах, так вы Тияна?! Я слышала, что внучка Йованы прилетела из России этим утром.

– Так и есть. – Тияна приветливо улыбнулась, раздумывая, как бы поскорее отделаться от навязчивой дамы. Та явно не спешила уходить и присела на лавочку рядом с ней.

– Соболезную вам, милая... – Женщина вздохнула с сочувствующим видом и деликатно коснулась ее руки. – Кто бы мог подумать, ай-яй-яй... Такая красивая, такая добродетельная... наш ангел-хранитель... Ну почему Бог всегда забирает самых лучших?!

Улыбка испарилась с лица Тияны, и она, проклиная себя за то, что снова совершенно позабыла о смерти бабушки, демонстративно потерла глаза, будто их защищало от подступивших слез.

– Ну что поделать, такова воля Господа нашего. Наверное, она ему там нужнее. – Дама возвела глаза к небу, сморгнула слезинку и, немного помолчав, сообщила: – Меня зовут Элла Линдер, я из Швеции. Будем знакомы, милая.

– Очень приятно, но, к сожалению, мне уже пора идти. Извините.

– Не стоит извиняться, милая! Вижу, вы устали и убиты горем. Давайте я провожу вас туда, где вы остановились, и поговорим по дороге. Вы ведь наверняка будете жить в главном корпусе, где находится резиденция Йованы?

Тияна кивнула, пытаясь скрыть от собеседницы свое растущее недовольство: она поняла, что та отвяжется от нее не раньше, чем они доберутся до крыльца центрального входа в здание, а до него еще не близко. Придется Тияне смириться с обществом говорливой спутницы.

– Я тут уже давно и все про всех знаю, а вам как новой хозяйке такие сведения пригодятся. Если хотите, можете включить диктофон в телефоне и все записать, я не против, – предложила ей новая знакомая.

– Вот спасибо! – ответила Тияна, подозревая, что эта Элла не очень-то дружит с головой. Само собой, записывать на диктофон сплетни о пациентах она не собиралась.

Всю дорогу Тияна делала вид, что внимательно слушает монолог Эллы, кивая или вскидывая брови в моменты многозначительных пауз и вопросов вроде «Представляете?!». Речь шла о нерадивости отдельных работников среди обслуживающего персонала с подробным перечислением имен, фамилий и допущенных нарушений; но вдруг Тияна наострилась, услышав знакомое имя «Ник», прозвучавшее в словах Эллы.

– Каждый день я твержу главному врачу одно и то же: этот бугай совершенно не похож на больного, нечего ему здесь делать, пусть освободит место для тех, кто действительно нуждается! Места ведь ограничены, не всем удастся попасть сюда, хотя путевки совсем не дешевые. Да уж, совсем не дешевые! Лечение, конечно, превосходное, и условия стоят своих денег, так что я не о том, что дорого, а... о чем же я? Ах, да! Этот Ник настоящий хам, никогда не поздоровается, будто не знает меня, хотя мы познакомились с ним в первый же день его приезда. А еще он дурно влияет на своего брата Глеба, который, надо отметить, полная противоположность ему и всегда очень учтив! Но и у него есть недостаток: увлекся одной вертихвосткой, представляете?! А ведь это сильно подрывает лечебный эффект!

– Почему же? – удивилась Тияна. – Когда человек влюблен, он, наоборот, испытывает прилив энергии, особенно если чувства взаимны.

– Вот именно: если взаимны! А о какой взаимности может идти речь, если его выпишут, а ее нет?! И вот начнутся слезы и страдания, а они даже созвониться не смогут! Все это крайне

вредно для здоровья, поэтому тем пациентам, кому назначена заключительная процедура, разрешено общаться только с врачами. Никаких друзей и любовниц!

– Заключительная процедура? А что это? – Тияна заинтересованно повернулась к Элле, оторвавшись от созерцания горных пейзажей.

– О-о, она проводится под строжайшим секретом! Никто ничего не знает о ней, даже я. Единственное, что известно... – Элла огляделась и, убедившись, что поблизости никого нет, прошептала: – Эта процедура проводится исключительно ночью!

– Любопытно...

– Еще бы! Сколько раз я пыталась проследить, что там происходит, но все никак. Из корпусов ночью не выйти, двери в одиннадцать вечера запирают, а на окна снаружи опускаются рольставни, в которых нет ни единой щелочки! – Элла приблизилась к Тияне и прошептала в самое ухо: – Я пыталась проковырять в них дырку, но ничего не вышло: они железные!

– Прямо интригует! – заметила Тияна, и на сей раз это была чистая правда.

– Еще как интригует! – Элла согласно затрясла головой. – Но, думаю, скоро я все же выясню, что это за процедура. У меня появился единомышленник, которому тоже хочется раскрыть эту тайну, и вдвоем мы что-нибудь придумаем! А потом я все вам обязательно расскажу. О, а вот, кстати, и он! Ро-оберт! – закричала она в сторону, а затем снова повернулась к Тияне. – Ну, до встречи, милая! Постарайтесь как следует выспаться, ведь завтра у вас тяжелый день, как и у всех нас!

– Да? – вырвалось у Тияны, и лишь в следующую секунду она поняла, что снова попала впросак: мысли о кончине бабушки все время вылетали у нее из головы, словно покойная родственница не желала становиться покойной в ее памяти.

– Похороны Йованы, – напомнила Элла, не замечая ее оплошности. – Ох, какое горе, какое горе! Держитесь, милая! Ну, пока!

Элла Линдер сосредоточила взгляд на ком-то из пациентов, находившихся в поле ее зрения, подняла вверх руку и помахала, приветствуя своего знакомого, а затем затрусилась прочь, даже не оглянувшись на Тияну, будто и не нашептывала ей только что свои тайны. Тияна проследила за ней, чтобы увидеть ее «единомышленника», и с удивлением обнаружила в его лице детектива Дульского, который расплылся в улыбке при виде шведки. Миловидной спутницы, сопровождавшей его в прошлый раз, поблизости не было видно.

– Роберт, значит! Какой же он... вездесущий! – пробормотала себе под нос Тияна и подумала, что у детективного агентства Дульского может быть вовсе не накрученный рейтинг.

Перед входом в здание у Тияны внезапно вновь появилось ощущение, что за ней следят; острое и пронзительное, оно заставило ее тревожно оглядеться. Однако все люди, которых она увидела, находились далеко от нее и шли куда-то по своим делам. Пожав плечами, Тияна списала это чувство на усталость и поднялась на высокое крыльцо главного корпуса.

Отворив тяжелые двери, она ощутила пробежавший по спине холодок от разительных перемен в холле, с ходу бросившихся в глаза. За время ее отсутствия он обрел траурный вид: вдоль стен выстроились огромные вазы и плетеные корзины с букетами цветов, а в центре, в окружении напольных подсвечников на тонких золоченых ножках, стояли массивные мраморные тумбы, покрытые серебристым атласом, и хотя гроба в холле еще не было, похоронное убранство произвело на Тияну гнетущее впечатление. Она перешагнула через порог и поспешила к лестнице, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не встречаться взглядом с работниками, которые суеились там, что-то поправляя. Добравшись до своего номера и оказавшись по ту сторону двери, Тияна прижалась к ней спиной и шумно, с облегчением, выдохнула, но тут же снова напряглась: на подоконнике, где она недавно сидела, потягивая минералку, не было пластиковой бутылки, которую она там оставила, а значит, в ее владениях побывал посторонний! В следующий момент взгляд Тияны наткнулся на чемоданы у стены рядом с кроватью, и она расслабилась: ничего особенно, просто кто-то из службы доставил сюда ее вещи и заодно

убрал бутылку, посчитав за мусор. Все в порядке. А чтобы не мерещилось всякое, ей срочно необходим отдых.

Тияна сняла с вешалки табличку «Не беспокоить», осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу. Коридор был пуст, но где-то близко, возможно, в одной из комнат, раздавались какие-то шорохи, похожие на звуки уборки. Повесив табличку на дверную ручку с обратной стороны, Тияна закрыла дверь, повернула защелку на все возможные обороты и прошла в гостиную. Настенные часы показывали семнадцать ноль-ноль. Покосившись на чемоданы, она решила, что разберет их позже, а пока достанет пижаму и наконец-то отправится в душ, после чего можно будет вздремнуть пару часиков.

Пижамы в чемодане не оказалось – ни в одном, ни в другом. Тияна перебрала все вещи, но пижамы не нашла, хотя прекрасно помнила, как укладывала ее вместе с другими вещами. Конечно, это была не единственная ее пижама, имелась и запасная, совсем новая, на которой Тияна даже еще ярлыки не срезала, но ей хотелось переодеться в старую, привычную и уютную. Исчезновение изрядно поношенной пижамы сильно ее озадачило. Украсть пижаму точно не могли: во-первых, старая вещь не представляет никакой материальной ценности, а во-вторых, Тияна только что собственноручно сняла с чемоданов липкие ленты, которыми перемотала их в аэропорту. Правда, кто угодно мог размотать эти ленты, порыться в чемодане и замотать обратно, но зачем?! Объяснения этому не нашлось. Ну разве что ленты лопнули при транспортировке, и чемодан, в котором лежала пижама, открылся, к примеру, от удара. Вещи выпали, их запихали обратно, но пижама при этом потерялась. Подобное в аэропортах случается, но тогда на крышке чемодана должны быть какие-то повреждения, а их нет. Проще всего поверить в то, что пижама все-таки осталась дома, но даже если это не так, то, в конце концов, ее исчезновение не такая уж большая неприятность, чтобы долго переживать из-за этого.

Тияна вынула из чемодана новую пижаму и отправилась в душ. Пересекая комнату, она заметила за окном толпу людей в черном, приближавшуюся к главному корпусу. Шествие возглавляли шестеро мужчин, которые несли открытый гроб с телом Йованы. От мысли, что этот гроб будет стоять в холле всю ночь, Тияна невольно поежилась.

Раздеваясь перед тем, как войти в душевую кабину, Тияна попыталась снять с себя подаренный бабушкой амулет, но у нее ничего не вышло: длины цепочки не хватало, чтобы стянуть ее через голову, а замок никак не расстегивался. Странно: Тияна отлично помнила, что надела амулет, не размыкая замка. Не могла же цепочка укоротиться сама по себе? И не слишком ли много странностей на сегодняшний день? Вначале Дульский, который неизвестно как здесь очутился и называет себя Робертом, потом исчезнувшая пижама, теперь вот необъяснимая трансформация бабушкиного предсмертного подарка...

Решив, что подумает обо всем этом позже, Тияна забралась под душ. Намыливая шею, она приподняла амулет, и ей показалось, будто сквозь отверстия на его поверхности виднеется слабое голубоватое свечение. Повертев в руках украшение, она пришла к выводу, что приняла за свечение отблеск капель воды, попавших внутрь.

Глава 5

Тияна проснулась посреди ночи от тягостного ощущения: казалось, сырая холодная тьма давит на нее со всех сторон. Это угнетало и действовало на нервы. Вдобавок ей представился гроб, стоящий на мраморных тумбах в мрачном холле. Тело Йованы тонуло в нем среди цветов и кружев, белое лицо отливало синевой. Отблески пламени множества свечей отплясывали на ее впалых щеках. Люди в черных накидках обступили гроб плотным кольцом, один из них нараспев читал молитву, глядя в раскрытую книгу, которую держал в руках.

По телу Тияны прокатилась волна озноба от осознания того, что представившаяся ей картина вполне может совпадать с реальной: она вспомнила замеченную ею накануне траурную процессию с гробом, двигавшуюся к главному корпусу. Наверняка кто-то из этих людей остался дежурить у гроба до утра. Вновь Тияна оказалась под одной крышей с покойником! Смерть отняла у нее последнего родного человека. Неужели это проклятие будет преследовать ее вечно? Возможно, однажды она выйдет замуж и заведет детей. Смерть тоже их отнимет?! Думать об этом было больно. Нестерпимо хотелось выяснить, виновен ли в смерти ее близких человек из плоти и крови, или это цепочка роковых случайностей. Надо сделать все, чтобы найти ответ. Если детектив Дульский не справится, она наймет другого, третьего, четвертого, и так до тех пор, пока не узнает, кто этот злодей и какую цель преследует. И, конечно, она позаботится о том, чтобы он понес заслуженное наказание.

Темнота продолжала давить. Тияна чувствовала себя так, будто ее живьем закопали в сырую землю. Вдруг она поняла, в чем причина такого дискомфорта: тьма была кромешной, даже оконный проем не выделялся на стене! Неужели на территории курорта разом погасли все фонари, а луна спряталась за тучами? Приподнявшись на локте, она вгляделась в ту сторону, где располагалось окно, и не увидела ни малейшего намека на его очертания. Как странно! Почему так темно?

На ощупь отыскав кнопку ночного светильника, встроенного в стену над изголовьем кровати, Тияна надавила на нее. Щелчок, и комнату залил тусклый призрачный свет. Окно, огромное и совершенно черное, выглядело пугающе. Тияна вздрогнула, увидев в нем свое отражение: бледное лицо и спутанные волосы, похожие на космы старой ведьмы.

Правая створка окна была приоткрыта, но при этом не ощущалось ни малейшего притока свежего воздуха с улицы. Озадаченная этим обстоятельством, Тияна выбралась из постели, намереваясь выглянуть из окна, и только когда подошла к нему вплотную, увидела поперечные полосы рольставень, закрывавших его с обратной стороны. Значит, рольставни опускают на окна не только в корпусах для пациентов, но и в главном корпусе, причем тоже без согласия проживающих. Интересно, а входные двери в холле запираются по ночам? Не очень-то приятно чувствовать себя узницей. Хотя, может быть, такие меры принимаются для безопасности пациентов и персонала, а вовсе не для того, чтобы держать их взаперти. Вокруг грязелечебницы на многие километры простираются глухие места, не считая маленького поселка, а рядом с воротами на въезде не видно даже будки охранника.

Тияна повернулась, собираясь забраться обратно в кровать, и едва не взвизгнула от ужаса, услышав, как что-то протяжно царапнуло по рольставням позади нее. Следом послышался шорох, будто нечто очень большое скользнуло по каменной стене. Птица? Но очень трудно представить себе птицу, способную произвести подобный звук! Как минимум эта птица должна быть размером с птеродактиля! Хотя... Говорят, у страха глаза велики, и, наверное, слуха это тоже касается. Ведь, если поразмыслить, то этим странным звукам можно найти вполне логичное объяснение: над зданием нависает гора, поросшая соснами, и сломанная сосновая ветка могла упасть сверху на крышу здания, скатиться по ней и пролететь вдоль стены с похожим шумом.

«Пусть будет ветка», – мысленно успокоила себя Тияна, забираясь в постель, однако уснуть ей больше не удалось. Она лежала под одеялом, не шевелясь и превратившись в слух, но единственным звуком, нарушившим тишину, стал шум поднимающихся рольставень, возвестивший о том, что наступило утро.

Спустя несколько минут после этого в дверь номера постучали. Тияна решила, что пришел Горан. Ей не хотелось показываться ему на глаза растрепанной и в мятой пижаме. Пока она наскоро причесывалась и искала, во что переодеться, из-за двери послышался голос Петры:

– Господица Тияна, откройте! Я принесла вам траурное облачение. Пора вам сойти вниз, все уже собрались.

Дверная ручка заходила ходуном от того, что помощница Йованы принялась дергать ее с обратной стороны. Тияна поняла, что Петра из той породы людей, которые пойдут напролом для достижения своей цели. Отперев дверь, она поспешила отступить в сторону, и правильно сделала, потому что гостья ворвалась в прихожую с такой скоростью, будто Тияна терпела бедствие и ее надо было спасать.

В правой руке, немного приподнятой, Петра держала плечики с болтавшимся на них черным платьем, в левой сжимала полиэтиленовый пакет, из которого торчал край траурной вуали.

– Вот, надевайте! – Она вручила все это Тияне, продолжая громко говорить: – Уж простите, что тороплю. Я приходила вчера, но увидела у вас на двери табличку «Не беспокоить» и ушла. Понимаю, вы были уставшие с дороги, да еще перенесли такое горе! Вижу, что всю ночь проплакали, глаз не смыкали. Но теперь вы должны поспешить. Через полчаса отъезжаем на кладбище, а надо бы вам и здесь с людьми у гроба постоять, чтобы те, кто с нами поехать не сможет, тоже увидели вашу скорбь. Они ведь все знают, что вы ее внучка.

От слов Петры Тияне стало неловко: выходило, будто та ее уговаривает поторопиться на похороны к собственной бабушке.

– Могу вас причесать, – вызвалась Петра, подступая ближе. – В последнее время я всегда причесывала госпожу Йовану, когда она уже сама не справлялась. И вообще мы с ней были как подруги, а сейчас я просто горничная. Но если хотите...

– Нет-нет, спасибо! – Тияна приняла из рук Петры одежду и отправилась переодеваться. Петра сообщила ей вслед:

– Завтрак в столовой сегодня отменили, вместо него сразу после похорон накроют столы для помина, но, если вы голодны, я могу принести вам кофе с круассаном, еще успеете перекусить.

– Спасибо, я не голодна. – Тияна облачилась в платье, которое пришлось ей впору, извлекла из пакета траурную вуаль, прикрепленную к маленькой круглой шляпке без полей, и, покрутив ее в руках в поисках лицевой стороны, пристроила на голову. Черная сетка опустилась на лицо, и окружающее пространство сразу приобрело мрачный оттенок.

– Ну как, не слишком велико? Мы заказали в похоронном бюро траурные накидки для участников процессии, которые будут сопровождать гроб, но специально для вас я достала платье госпожи Йованы. Хозяйка хоронила в нем свою... – Петра вдруг умолкла на полуслове и принялась обмахиваться лопатообразной ладонью, будто ее бросило в жар. – Ох, что-то мне стало нехорошо!

Тияна сняла вуаль и, выглянув из комнаты, с тревогой посмотрела на гостью, поджидавшую ее в прихожей.

– Может, воды? – взволнованно спросила она, окидывая ее внимательным взглядом и не замечая никаких внешних признаков физического недомогания: по крайней мере, цвет лица Петры не изменился и не внушал опасения.

– Да, пожалуй! – Прислонившись к стене, Петра со страдальческим видом смежила веки.

– А кого Йована хоронила в этом платье? – поинтересовалась Тияна, отправляясь к холодильнику за минералкой.

– Что? Хоронила? Ох, о чем это вы?!

– Но ведь вы собирались что-то такое сказать...

– Правда? Может, вам показалось? Я хотела сказать, что Йована не носила это платье. Не но-си-ла. Ни разу не надела. Оно совсем новое, не волнуйтесь. И вполне хорошо на вас сидит!

Тияна поняла: Петра чуть не выболтала какую-то тайну Йованы, но вовремя спохватилась и прикусила язык. Теперь бесполезно пытаться что-то из нее вытянуть, а жаль... Огонек любопытства уже загорелся внутри Тияны и наверняка угаснет еще не скоро.

Достав из мини-бара бутылку с водой, Тияна вернулась в прихожую и подала ее Петре. Горничная открыла крышку и принялась жадно пить воду, словно скиталец, добравшийся до спасительного источника после многодневных блужданий в пустыне. Тияна бросила взгляд в большое овальное зеркало на стене: собственное отражение в траурном одеянии подействовало на нее удручающе, а из отдаленных уголков памяти одно за другим начали всплывать воспоминания о похоронах, на которых ей довелось присутствовать в прошлом. Мама... Две мачехи... Сводная сестра... Костя, который сделал Тияне предложение и внезапно решил свести счеты с жизнью... Отец... А теперь еще и бабушка. Нескончаемая вереница смертей с детства тянулась за Тияной трагичным шлейфом. Больше никого не осталось. Означает ли это, что следующие похороны в этой веренице будут ее собственными? Ведь отныне она не собирается сближаться с людьми – ни любви, ни дружбы в ее жизни больше не предвидится. Она так устала терять и хоронить... Поскорее бы закончился этот тягостный день. Страшно подумать, что он еще только начинается!

Холл в траурном убранстве выглядел почти таким, каким Тияна его себе представляла, проснувшись этой ночью: люди в глухих черных накидках стояли вокруг гроба из темного лакированного дерева с белоснежным цветочно-атласным нутром, и тело Йованы терялось там, в глубине, среди бледно-молочных роз с зеленоватой каймой на лепестках. Аромат цветов смешивался с густым и приторным запахом ладана. Толстые свечи в напольных подсвечниках плакали крупными восковыми слезами. Сквозь широко распахнутые двери центрального входа в холл проникали лучи утреннего солнца, но не тянулись далеко вглубь, а застывали сразу за порогом, как незваные гости, понимавшие, что здесь их не ждут.

Прежде чем сойти с галереи на лестницу, Тияна сделала глубокий вдох и ощутила, как легкие наливаются цветочно-ладановой тяжестью, пропитавшей все пространство холла. Подол ее длинного траурного платья коснулся ступеней. Шуршание ткани привлекло внимание людей, стоявших у гроба. Почти все они разом подняли головы, и множество взглядов устремилось к ней: рассеянных и внимательных, колющих и приветливых, печальных и равнодушных. И даже... испуганных! Тияна перехватила в толпе чей-то явно испуганный взгляд. Он принадлежал девушке, которую Тияна заметила целующейся с парнем, а потом – прогуливающейся по аллее парка в компании Дульского. Наряду со страхом в глазах девушки читалась неприязнь, и эти чувства определенно имели отношение к Тияне, потому что девушка смотрела прямо на нее. Но как такое возможно?! Ведь они даже не знают друг друга! Чем Тияна могла ее напугать? Или все-таки страх девушки был вызван чем-то другим?

Заметив, что Тияна ее разглядывает, незнакомка потупилась, пряча глаза под длинными ресницами. В траурном облачении она выглядела еще привлекательнее, чем в больничном балахоне: черный цвет подчеркивал белизну ее кожи и сияние золотистых локонов, выбивавшихся из-под кружевной косынки. С такой внешностью она могла бы стать актрисой (а может, и была ею, кто знает). По крайней мере, Тияна усматривала в ней сходство с какой-то из голливудских кинозвезд, но не могла вспомнить, с какой именно. Вуаль не скрывала лица блондинки, как и лиц других женщин. Все присутствующие, включая мужчин, были в одинаковых черных накидках, надетых поверх больничной или форменной одежды, которая виднелась

между разъехавшимися в стороны полами. Обладатели внушительных габаритов и выпирающих животов издали походили на грустных пингвинов, а детектив Дульский из-за подкрученных усиков напоминал фокусника, потерявшего свою шляпу. На его гладком черепе блестели крупные капли пота. Элла Линдер, стоявшая рядом с ним (подозрительно близко стоявшая, хотя вокруг них было полно свободного пространства), прикладывала к векам кружевной платочек и всхлипывала, но как-то театрально, да и смотрела не на гроб, а на Дульского, скосив глаза в его сторону.

Скользивший по лицам взгляд Тияны замер, встретившись с глазами Ника. Без панамы парень выглядел более серьезным, даже строгим, но, заметив, что Тияна обратила на него внимание, тепло улыбнулся ей. Тияна едва сдержала ответную улыбку. Вот был бы номер, если бы все это заметили: хороша внучка, флиртует с мужчинами прямо на похоронах родной бабушки! Тияна порадовалась, что ее лицо скрыто под вуалью, придающей любому облику оттенок трагичности.

Священнослужитель, стоявший в изголовье гроба с раскрытым молитвенником и кадилом в руках, дождался, когда Тияна займет свое место среди скорбящих, и нараспев затянул заупокойную молитву, которая длилась, казалось, целую вечность. Его острая седая борода мелко дрожала, а влажный блеск глаз намекал на подступившие слезы, выдавая глубокую, искреннюю скорбь.

После того, как священник замолчал, присутствующие один за другим потянулись к гробу. Кто-то целовал покойницу в лоб, кто-то ограничивался тем, что касался ее скрещенных на груди рук. Кто-то громко прошептал по-сербски: «Пропустите внучку!», и народ расступился перед Тияной. Очутившись перед гробом, она склонилась над Йованой, собираясь запечатлеть прощальный поцелуй на ее мраморной щеке, но замерла, потрясенная увиденным: из-под выреза бабушкиного погребального платья у самого основания шеи выглядывал край серой трикотажной футболки с мелким рисунком в виде веселых котиков. Тияна похолодела: ее пропавшая пижама была из похожей ткани, серой и с котиками! Конечно, такая пижама не единственная в мире, но, во-первых, покойников не наряжают в подобные пижамы, а во-вторых, там видна знакомая отметина... Тияне стало совсем дурно, когда она разглядела крошечные, едва различимые стежки ручной штопки: она помнила, как зашивала эту микроскопическую дырочку, образовавшуюся на месте спущенной петли. Последние сомнения исчезли: ясно, что ее старая пижама у бабушки под саваном! Но кто надел ее на покойницу, и зачем?!

Тияна в замешательстве застыла над гробом. Начинать разбирательство сейчас, во время траурной церемонии, показалось ей верхом неприличия. Да и какой в этом смысл? Тот, кто это сделал, вряд ли сознается. И потом, ведь не снимать же теперь, в самом деле, пижаму с покойной бабушки!

Кто-то приобнял Тияну за плечи и мягко, но настойчиво потянул в сторону от гроба – наверное, решил, что она впала в ступор от горя. Кто-то заботливо протянул ей стакан с водой. Тияна сделала пару глотков. Вкус уже знакомой ей местной минералки на этот раз показался не таким уж приятным.

Шестеро рослых мужчин, одним из которых был Горан, осторожно подняли гроб и медленным шагом направились к выходу. Вслед им застонали медные трубы, заныли скрипки, запричитали плакальщицы – негромко, чтобы не заглушать тоскливую мелодию похоронного оркестра. Темные фигуры скорбящих постепенно примыкали к траурному шествию, и вскоре образовался длинный извилистый хвост.

Девушка, похожая на кинозвезду, забрала у Тияны пустой стакан и участливо поинтересовалась по-английски:

– Хотите еще?

– Нет, спасибо, – тоже по-английски ответила Тияна и вдруг вспомнила имя актрисы, которую ей напоминала эта девушка: Скарлетт Йоханссон! Но, конечно, маловероятно, что это она, хотя сходство просто поразительное.

«Скарлетт» отнесла стакан на мраморный столик, где стоял графин с водой и пирамида из точно таких же стаканов, только чистых. Вернувшись, она взяла Тияну под локоть, будто была ее давней знакомой, и вместе они вышли из холла на пустое крыльцо: все участники похоронной процессии уже спустились с него и вереницей шли по направлению к главным воротам, где их поджидали огромный катафалк и несколько микроавтобусов.

Нервно оглядевшись, «кинозвезда» приблизилась к Тияне почти вплотную и зашептала, щекоча дыханием ее щеку:

– Могу я попросить вас кое о чем?

Тияна пожала плечами:

– Ну, конечно!

– Я понимаю, что сейчас неподходящее время, ведь у вас горе, а я лезу со своими проблемами, но... Но боюсь, что потом будет поздно, да и нам, скорее всего, не дадут поговорить. Очкарик следит тут за всеми, разве что сегодня ему не до этого. Он тоже на похоронах – я заметила его в толпе.

– Очкарик?... – Тияна удивленно покосилась на свою спутницу.

– У него наблюдательный пункт в башне над главным корпусом, там окна вкруговую. Иногда можно заметить, как сверкают его очки, когда он стоит слишком близко к окну. Тут еще и камеры повсюду натканы, но, видимо, не всё пространство охватывают, и он иногда в окна посматривает.

– Это охранник, что ли?

– Нет тут охранников, не от кого охранять. Очкарик за пациентами шпионит.

– Зачем же?

– Выслеживает, кто с кем дружбу водит, у кого роман намечается, и сразу главврачу докладывает, а тот меры принимает, чтобы это дело аккуратненько пресечь, медсестер посылает, и те тотчас мчатся со своими замечаниями или сообщением о какой-нибудь срочной процедуре. Все делается для того, чтобы ни у кого из пациентов ни с кем ничего не закрутилось.

– А-а, мне говорили об этом! – протянула Тияна. – Ограничивают общение из-за того, что лечение может не подействовать. Зато тем, кто будет соблюдать все рекомендации, обещают полное выздоровление.

«Скарлетт» презрительно фыркнула:

– Обещают они! – Потом вдруг осеклась, и в ее взгляде промелькнула тревога. – Вы ведь меня не выдадите? Прошу, пусть этот разговор останется между нами, даже если вы откажетесь мне помочь.

– Не переживайте, я никому вас не выдам. – Тияна ободряюще улыбнулась.

– Я верю вам! Ведь вы – моя последняя надежда. – Собеседница немного расслабилась. – Я верю, что вы с ними не заодно.

– Что это значит?

Воровато оглядевшись, «Скарлетт» понизила голос:

– Подозреваю, что здесь творятся темные делишки! Что-то нечисто с этой их заключительной процедурой. Пациентов после нее якобы сразу выписывают.

– И что в этом странного?

– А то, что никто никогда не видел, как эти пациенты отсюда уезжают!

– Серьезно? Вообще никогда?! Никто никогда не уезжал отсюда?! – Тияна почувствовала, как по ее спине поползли мурашки.

– Да почему же, уезжали многие, но не из тех, кому провели эту процедуру. Ее не всем назначают, и это бывает нечасто. Наверное, поэтому никто и не замечает ничего странного.

– А вы заметили?

– Не я, а один мой знакомый. Он недавно приехал, но такой дотошный, все про всех выпрашивает, все ему интересно. Его имя Роберт. Так вот, накануне мы с ним прогуливались в парке и заговорили об этой процедуре...

– А как же Очкарик? Он позволил вам вместе прогуливаться? – перебила собеседницу Тияна, вспоминая, как медсестра бесцеремонно разлучила эту девушку с ее парнем.

– Меры применяются только к тем пациентам, которых видят вместе слишком часто. Один-два раза прогуляться можно, а в третий могут сделать замечание. Не концлагерь ведь, хотя все равно неприятно. Так вот, этот новенький – кстати, тоже американец, как и я, – стал меня обо всем расспрашивать, а об этой процедуре особенно подробно. Когда он поинтересовался, как выглядят после нее пациенты, меня прямо осенило: я вдруг осознала, что никого после этого ни разу не видела! Вот и зародилось подозрение, что, может быть, их... убивают!

– Но зачем?!

– Да мало ли ... Из-за денег хотя бы. Люди-то сюда приезжают состоятельные. Вдруг их заставляют подписывать какие-нибудь дарственные или переводить деньги со счетов на третьих лиц.

– Но за столько лет эту схему уже давно бы раскрыли! – скептически возразила Тияна.

– Да у них, может, все схвачено. Когда на кону действительно большие деньги, подкупить можно кого угодно.

– И что вы предлагаете? Обратиться в самую высшую полицейскую инстанцию, или что?

– Да ну, бросьте! Никогда не имела дел с полицией, да и не собираюсь. Лучший вариант – это просто свалить отсюда, но я не могу уехать без Глеба! А он ничего и слышать не хочет об отъезде до этой самой заключительной процедуры! Они его убедили, что он очень болен и процедура ему поможет. А теперь мне с ним и поговорить не удастся, потому что медсестра сделала ему замечание из-за нашего... э-э... свидания, и он стал меня избегать.

– Вы хотите, чтобы я уговорила Глеба уехать с вами? – Тияна не смогла сдержать улыбку. Ей казалось, что «Скарлетт» сильно преувеличивает насчет убийств. Да и Дульский-«Роберт» хорош: с какой целью он расспрашивает пациентов о процедурах, словно всерьез намерен здесь лечиться?! А ведь Тияна наняла его для поисков предполагаемого убийцы! И что же он делает? Едет в грязелечебницу вслед за ней! Наверняка и путевку купил на деньги, которые Тияна выплатила ему в качестве аванса.

– Я хочу, чтобы вы уговорили их отпустить Глеба. Вы ведь внучка хозяйки, они вас слушают. Ну, пожалуйста! – Умоляющие глаза «Скарлетт» наполнились слезами.

Тияна вздохнула, догадываясь, что у этой девицы нелады с психикой. Говорят, с психами спорить нельзя.

– И с кем я должна поговорить? – спросила она, всем своим видом выказывая готовность помочь.

– С главным врачом. Пусть он отменит заключительную процедуру, и мы с Глебом уедем.

– А если Глеб все равно не пожелает уезжать?

– Когда узнает, что процедуры не будет, то думаю, уедет.

– Ладно, я попробую.

«Скарлетт» просияла:

– Спасибо! Храни вас Бог! Я буду молиться за вас всю жизнь!

– Не стоит благодарности. Надеюсь, у вас с Глебом все будет хорошо.

– Я уверена, что мы с ним созданы друг для друга! Главное – вырваться из этой западни. И вы тоже уезжайте отсюда! Вашу свободу они не посмеют ограничить. Скажите, что вам нужно по делам в Белград или еще куда, и уезжайте насовсем! Послушайте моего совета, я чувствую, что это место дурно пахнет и в буквальном, и в переносном смысле, а мое чутье меня никогда не подводило, поверьте! – «Скарлетт» внезапно остановилась. – Дальше я не пойду: я не вхожу

в число приближенных Йованы и не еду на кладбище. Прощайте! И не откладывайте свое обещание в долгий ящик!

«Скарлетт» отпустила локоть Тияны, который с силой сжимала все это время, и зашагала в сторону корпусов. Полы черной накидки взметнулись от быстрой ходьбы, открывая изящные загорелые лодыжки и край белого больничного балахона. Тияна потерла ноющий локоть, тяжело вздохнула и поспешила к катафалку.

Глава 6

Широкая, сверкающая на солнце дорога огибала грязелечебницу и, опоясывая гору, петляла над горным ущельем, дно которого тонуло в остатках утреннего тумана, льнувшего к узкой, но гордо блестящей на солнце речушке. Глядя в окно катафалка, обрамленное траурными занавесками, Тияна почувствовала себя так, словно вырвалась из заточения, и мысль о том, что вскоре ей предстоит вернуться назад, ее угнетала. Странно, ведь грязелечебница казалась Тияне райским уголком, и она даже подумывала остаться там подольше, но стоило очутиться вне ее стен, и планы на ближайшее будущее сразу изменились: ей нестерпимо захотелось домой, в Москву.

Рука Горана, сидевшего рядом, тяжело опустилась на ее плечо, и Тияна невольно съежилась, а ощущение свободы тотчас исчезло. Придвинувшись ближе, Горан прошептал ей на ухо вопрос, который так часто задают люди в самых неподходящих для этого ситуациях:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.